

Санкт-Петербургский государственный университет

СЕРГЕЕВ Василий Сергеевич

Выпускная квалификационная работа

Критический реализм: интегративные перспективы основных теоретических положений

Уровень образования: аспирантура

Направление *39.06.01 «Социологические науки»*

Основная образовательная программа *МК.3027.2017 «Социология»*

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. кафедры теории
и истории социологии,
Асочаков Ю.В.

Рецензенты:
д.с.н., проф., департамент
социологии НИУ ВШЭ в СПб,
Чернова Ж.В.

к.с.н., проф. факультета социологии,
Европейский университет СПб,
Здравомыслова Е.А.

Санкт-Петербург
2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования	
§1. Предпосылки современного состояния теоретической социологии.....	9
§2. Проблематизация ограничений интегративных парадигм.....	23
§3. Базовые положения критического реализма.....	27
Глава 2. Интегративный цикл воспроизводства действия и структуры	
§1. Эмерджентные свойства действия.....	32
§2. Эмерджентные свойства структуры.....	47
§3. Цикл воспроизводства и трансформации.....	52
Заключение.....	60
Список использованной литературы.....	62

Введение

Социология как и другие институционализированные системы познания неизбежно сталкивается с необходимостью уточнения своего предметного поля. Эта необходимость связана, в первую очередь, с развитием и изменением объекта науки — социальной реальности. За ситуациями, при которых в значительной степени затрудняется корректное описание и объяснение социальной реальности и уточнение предметного поля с использованием имеющихся в распоряжении исследователя теоретических инструментов, в литературе закрепилось обозначение «социологический кризис». Историки социологии выделяют, как правило, два подобных периода: первый кризис начала XX века был связан с запросом на преодоление ограничений позитивизма и холизма и разработкой в ответ на этот запрос индивидуалистской или интерпретативной парадигмы, чем стала понимающая социология М. Вебера; второй кризис 70-80х годов XX века был связан с запросом на преодоление ограничений дихотомии холизма/номинализма и разработкой в ответ на этот запрос интегративной парадигмы, на роль которой претендовали теории Н. Лумана, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, М. Арчер, П. Бурдьё.

Для теоретической социологии значение подобных кризисов и их последствий заключается преимущественно в актуализации новых и уточнении имеющихся исследовательских проблем и в разработке таких теорий и концептов, которые позволят корректно фиксировать, описывать и объяснять общественные процессы, а так же решать новые прикладные и теоретические задачи, чего прежние парадигмы в их прежнем виде уже не в состоянии гарантировать. Научные кризисы при этом не предлагается понимать негативно. Напротив, подобные ситуации в научном поле являются, скорее, свидетельствами в пользу идеи о последовательном развитии науки и позволяют лучше понять природу этого процесса. Преодоление последствий первого социологического кризиса за счёт формирования устойчивой дихотомии реализма/индивидуализма привело впоследствии к организации академического консенсуса по большей части вокруг теории структурного

функционализма Т. Парсонса, в которой была предложена одна из первых попыток составления общей социологической теории, предполагающей синтез полярных подходов. В случае со вторым кризисом были предложены сразу несколько интегративных парадигм, в рамках которых существенным образом оказались пересмотрены не только прежние положения, считавшиеся ранее близкими к аксиоматическим (например, причинность и связь), но также и онтологические основания как социологического знания, так и социальной реальности в целом (например, в теориях Н. Лумана и М. Арчер). В сложившейся ситуации изобилия новых метафор, концепций, подходов и теорий академический консенсус не был организован вокруг какого-то одного центра. Образовались несколько сосуществующих направлений научного поиска, что легитимировало практику сосуществования различных теоретико-методологических оснований в одном научном поле без существенной доминанции кого-то одного. Сегодня такая форма научной организации называется принципом мультипарадигмальности.

Таким образом, состояние современной теоретической социологии может быть охарактеризовано как этап преодоления последствий второго социологического кризиса в виде продолжающейся работы по уточнению предметного поля социологии представителями различных теоретико-методологических направлений. Отсутствие академического консенсуса по поводу предметного поля является проблемой для социологической теории. Предложенные в рамках интегративных парадигм эпистемологические основания контуров новой предметности оказали на академическое сообщество не интегрирующий, а, скорее, дезинтегрирующий эффект. С одной стороны, многие исследователи действительно проявили солидарность с одной из основных посылок интегрализма о взаимозависимости макро- и микроуровня в противовес предшествующей посылке о доминировании одного из них. С другой стороны, внутри этого направления встречаются не просто немного расходящиеся теоретические разработки, но прямо противоположные трактовки момента взаимовлияния макро и микро, имеющие разные онтологические предпосылки (например, дуальность у Э. Гидденса vs дуализм у М. Арчер).

Такое положение дел не способствует конкретизации предметного поля социологии в целом и теоретической социологии в частности.

В сложившейся ситуации для сборки или пересборки социальной реальности в соответствии с наблюдаемыми и фиксируемыми общественными тенденциями актуализируются практики теоретизирования и, что более существенно, метатеоретизирования. Не только отдельные социальные явления или определенные типы социальных отношений оказываются объектами исследования, но и сами интегративные парадигмы. Предложенный ещё теоретиками франкфуртской школы критерий, согласно которому теория может претендовать на автономию в научном поле, если есть возможность проанализировать ее в собственных категориях, с ростом исследовательского интереса к теоретической проблематике стал снова актуален. Наряду с этим в рамках теоретической социологии новый импульс обрела и проблема онтологии: разработка или уточнение оснований и базовых положений теорий и моделей для описания и объяснения социальной реальности более не является промежуточным шагом в рамках этапа обоснования теоретико-методологических оснований исследования, но составляет отдельное исследовательское направление. В результате второго социологического кризиса, с последствиями которого мы сталкиваемся сейчас, теоретическая социология оказалась в положении, при котором выбор отсутствует: актуализация теоретизирования и метатеоретизирования произошла в добровольно-принудительном порядке, поскольку прошлые парадигмы перестали корректно описывать и объяснять социальную реальность, а новые еще не в полной мере научились.

С учётом обозначенных проблем, с которыми столкнулась современная теоретическая социология, обращение к направлению критического реализма и к уже достигнутым в его рамках результатам представляется имеющим определенный потенциал. Основанное в 70е годы XX века британским философом Р. Бхаскаром, направление критического реализма представляло собой конвергенцию трансцендентального реализма и критического натурализма с целью дать исчерпывающий анализ принципов

функционирования науки вообще и социальных наук в частности. С течением времени и появлением работ по критическому реализму таких британских философов науки как Э. Сэйер и Э. Коллинс, а так же таких британских социологов как М. Арчер и У. Аутвейт, направление развилось в полноценную самостоятельную ветвь британской философской и социологической мысли, проблематика которой вышла за изначальные рамки философии науки и на сегодняшний день включает в себя глубокие разработки фундаментальных вопросов социологии вообще и теоретической социологии в частности (например, проблемы структуры/действия).

Основными проблемами для критического реализма в широком смысле слова являются возможность и онтологический статус социальной реальности. Базовыми посылками являются: несведение онтологии к эпистемологии, аналитический дуализм, автономия социальных форм за счёт выделения их эмерджентных свойств, включение процессов воспроизводства и трансформации социальных форм в единый цикл образования структурного и агентного уровней (морфогенез и морфостазис у М. Арчер), понимание причинности не как наличия постоянной связи на уровне событий (по Д. Юму), но на уровне порождающих механизмов и структур, критика ограничений классического эмпиризма и трансцендентального идеализма в подходе к моделированию причинно-следственных связей между макро- и микроуровнями, рассмотрение отношений между макро и микро как отношений взаимозависимости. В социологической теории наиболее ярко направление критического реализма представлено работами М. Арчер, в частности, ее теорией морфогенеза и морфостазиса. В рамках этой теории при социологическом анализе процессов воспроизводства и трансформации социальной структуры, агентности и культуры реализуется принцип аналитического дуализма в противовес принципу дуальности, который наиболее подробно представлен в виде рекурсивной структуризации в работах Э. Гидденса. Исследования М. Арчер продемонстрировали эффективность использования базовых положений критического реализма для работы над актуальными проблемами теоретической социологии. Их основным

преимуществом является концептуализация связи между структурой и действием за счёт выделения эмерджентных состояний и проведения, таким образом, демаркационной линии между различными состояниями как структуры, так и действия для последующего сравнительного анализа. Внимания заслуживает и сохранение за социальной реальностью онтологической автономии, что позволяет сформулировать относительно стабильные базовые положения о ее устройстве и обеспечить устойчивость разработанной на такой основе интегративной парадигмы за счёт обеспечения необходимой для развития вместе с социальной реальностью теоретической гибкости в условиях постоянно ускоряющихся изменений, происходящих в обществе. Этим обусловлена актуальность темы настоящего исследования и обращение к теоретическим результатам и базовым положениям критического реализма.

Объект исследования — направление критического реализма в социологии.

Предмет исследования — интегративный потенциал базовых теоретических положений критического реализма.

Цель исследования — разработать концептуальную схему воспроизводства и трансформации эмерджентных состояний структуры и действия с использованием базовых теоретических положений критического реализма.

Задачи:

- 1) Составить набор критериев для проведения сравнительного анализа интегративных парадигм (включая критический реализм);
- 2) Произвести сравнительный анализ интегративных парадигм (включая критический реализм);
- 3) Составить набор критериев для оценки и критического анализа базовых теоретических положений интегративных парадигм (включая критический реализм);

- 4) Выполнить метатеоретический анализ базовых положений интегративных парадигм и критического реализма;
- 5) Выработать концептуальную схему взаимоотношений основных социологических понятий и концептов с использованием базовых положений критического реализма.

Работа состоит из введения, двух глав и заключения. В первой главе представлены теоретико-методологические основы исследования, предложен анализ современного состояния теоретической социологии, проблематизированы основные ограничения интегративных парадигм, проанализированы базовые положения критического реализма. Во второй главе представлен анализ эмерджентных свойств структуры и действия, проанализировано взаимовлияние эмерджентных состояний структуры и действия, предложена концептуальная схема воспроизводства и трансформации структуры и действия. В заключении представлены основные выводы, обобщены результаты работы и обозначены перспективы.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования

§1. Предпосылки современного состояния теоретической социологии

Второй социологический кризис 70-80х годов прошлого века рассматривается как предпосылка текущего состояния теоретической социологии. Но для того, чтобы корректнее описать и объяснить предпосылки текущего состояния теоретической социологии, необходимо сделать ещё один шаг назад и проанализировать предпосылки второго социологического кризиса. Первый социологический кризис начала XX века актуализировал и поставил перед социологией ряд теоретических и прикладных проблем, которые сейчас имеют статус классических и фундаментальных проблем социологии. Это и проблема ограничений позитивизма вместе с требованиями к социологическим теоретическим концептам быть эмпиричными, и соотношение макро и микро как на теоретическом так и на практическом уровнях, и проблема соотношения элементов детерминизма и волюнтаризма в социальной реальности в целом и в индивидах в частности, и природа связи между макро и микро и концептуализация этой связи, и проблема соотношения структуры и действия, и концептуализация ещё обозначенных О. Контом состояний общественной статики и динамики, и уточнение роли действия как субъекта и вкладываемого в него смысла как условия преобразования действия из действия вообще в социальное действие, и концептуализация структурного уровня и, в особенности, природы его параметров и характеристик а так же его роль не только в реализации процессов общественного образования и воспроизводства или в процессе трансформации и изменения, но и в процессе взаимодействия с микроуровнем. Как мы видим, первый социологический кризис поставил перед социологами существенные фундаментальные проблемы, расширив предметное поле социологии. Для решения этих проблем с течением времени вокруг теории структурного функционализма Т. Парсонса¹² развилось определенное направление социологической мысли.

¹ Parsons, T. The Structure of Social Action. New York: Free Press, 1967.

² Parsons, T. The Social System. New Orleans: Quid Pro, LLC, 2012

Структурный функционализм Т. Парсонса принято считать той теорией, в которой обозначенным выше теоретическим и прикладным проблемам первого социологического кризиса предлагалось общее решение. Таким образом, Т. Парсонса можно назвать одним из первых составителей большой социологической теории наряду с П. Сорокиным³ и его культурной динамикой. Действительно это образец большой социологической теории, составленной по горячим следам первого социологического кризиса и пытающейся охватить весь спектр актуализированных в ходе первого социологического кризиса проблем. Этим попыткам есть оценки, например, согласно А. Гоулднеру⁴, структурный функционализм Т. Парсонса стал попыткой ответа на экономический кризис 30х годов XX века, так же известный как великая депрессия и, кроме того, попыткой объяснения этого кризиса с точки зрения движения общества к социальному порядку. Другие исследователи, например, Ч. Миллс⁵ и П. Сорокин критиковали Т. Парсонса за излишнюю абстрактность теоретических построений и излишнее усложнение описания и объяснения социальной реальности и ее процессов. Например, Р. Мертон⁶ хоть и был последователем Т. Парсонса, но выдвинул свою концепцию теорий среднего уровня, необходимых для решения прикладных конкретных исследовательских задач на местах, в то время как большая теория будет описывать и объяснять всю совокупность социальных отношений и всю социальную реальность в целом.

Вся критика структурного функционализма Т. Парсонса, так же как и сам структурный функционализм и его основные положения, шли социологии как науке на пользу. Например элемент волюнтаризма был внедрен Т. Парсонсом в структурный анализ, что являлось существенным для всей теоретической социологии. Конечно, этот момент так же подвергся критике, которая была

³ *Sorokin, P. Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships. London: Routledge, 2017.*

⁴ *Gouldner, A. Coming Crisis of Western Sociology. Portsmouth: Heinemann, 1971.*

⁵ *Mills, C. The Sociological Imagination. Oxford: Oxford University Press, 2000.*

⁶ *Merton, R. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968.*

обобщена в виде контраргумента о том, что в структурном функционализме Т. Парсонса индивиды принимают решения и ставят цели вроде бы на основе свободной воли, но эти решения и цели оказываются именно теми, которые необходимы системе для поддержания своего жизненного цикла. Но главное здесь не столько в некоторых аналитических проблемах структурного функционализма, сколько в самом факте попыток социологов теоретизировать в сторону синтеза микро и макро уровней. Такие первые попытки свидетельствовали об укреплении науки об обществе и о претензии этой молодой на тот момент науки братья за решение фундаментальных проблем социальной реальности. Вероятно, справедливым будет отметить, что Т. Парсонс являлся в сороковые-пятидесятые одним из влиятельнейших если не влиятельнейшим социологом в академическом сообществе. Но в то же время он до последнего даже в конце пятидесятых держался за свой структурный функционализм и пытался уточнить его основные положения, хотя уже было понятно, что новые социальные условия новой послевоенной социальной реальности больше не помещаются в прокрустово ложе структурного функционализма. Это является проблемой. Большая социологическая теория должна иметь такие базовые положения, которые способствуют ее развитию и изменению вместе с социальной реальностью.

Мы подошли ко второму социологическому кризису 70-80х годов XX века. Основными его предпосылками оказались фактические попытки разработки больших или общих социологических теорий, претендующих на решение фундаментальных теоретических и прикладных задач социологии. Также это расширение предметного поля социологии за счёт разработки больших или общих социологических теорий, что потребовало, в свою очередь, разработки не только теоретических концептов, которых раньше не было, но и метатеоретического анализа концепций и теорий с этой целью, то есть зародилась новая практика теоретизирования — метатеоретизирование, в-третьих, основной предпосылкой стал крах больших или общих социологических теорий уже в конце пятидесятых в начале шестидесятых и их наглядная неспособность описывать и объяснять социальные изменения и

развитие новой послевоенной социальной реальности. А. Гоулднер обозначает в качестве отдельной предпосылки так называемую контркультуру, в рамках которой студенческая молодежь массово выступала против академического истеблишмента. Это вопрос дискуссионный, но в рамках данной работы такая постановка проблемы не игнорируется. Действительно, в конце шестидесятых в академическом в целом и в социологическом истеблишменте в том числе было много представителей социологических школ ещё времён первого социологического кризиса наряду с теми, кто занял свои места в числе представителей структурного функционализма с Т. Парсонсом во главе. Сам Т. Парсонс сменил П. Сорокина на посту декана факультета социологии Гарварда и долгое время занимал эту должность.

Характерной чертой подобных ситуаций которые характеризуются в литературе как социологические кризисы является постановка новых фундаментальных проблем. В связке с этой чертой идёт не менее важная черта-следствие, которая состоит в очередном расширении предметного поля социологии. Одной из основных фундаментальных проблем, поставленных в ходе теоретических разработок, направленных на разрешение второго социологического кризиса, стала проблема концептуализации взаимозависимости структуры и действия или дихотомия дуальности и дуализма социальной реальности. В 70-80е гг. XX века было разработано значительное число больших или общих социологических теорий, которые обосновались в литературе под название интегративных парадигм. Движение к интеграции социологической теории, заложенное ещё Т. Парсонсом и П. Сорокиным в результате второго социологического кризиса обрело качественно новое лицо. Теперь посылка о взаимозависимости макро и микроуровня стала своего рода отправной точкой для новых авторов. И Н. Луман, и Э. Гидденс, и Ю. Хабермас, и М. Арчер, и П.Бурдьё и другие начали предлагать свои разработки этой посылки. Далее будут кратко приведены основные аналитические новинки обозначенных авторов.

Двойная контингентность Н. Лумана⁷ и его общая теория систем, где индивид оказывается выброшен на обочину системного образования пусть и последовательно, но не менее жестко оказало двойственное воздействие на научное сообщество: с одной стороны, двойная контингентность действительно оказалась эффективной не только в теоретическом плане, но и в практическом; с другой стороны, память об индивидах-марионетках Т. Парсонса была ещё свежа, поэтому то, как Н. Луман однозначно определил место индивида на периферии системного образования не могла не вызвать критику. Но надо отдать должное Н. Луману за корректную проблематизацию предметного поля социологии и за то, что с его легкой подачи функционализм или даже правильной теперь сказать неофункционализм обрёл сильнейшее второе дыхание и несётся на нем до сих пор.

Можно обратить внимание на ту существенную черту, что попытки разработки больших или общих социологических теорий и расширения предметного поля социологии предпринимаются в науке не тогда когда предыдущая парадигма приказала долго жить, как у Т. Куна⁸ например, потому что тот же структурный функционализм Т. Парсонса и в шестидесятые, и в семидесятые чувствовал себя устойчиво по сравнению с только-только предлагаемыми теориями, например, той же теории мир-системы И. Валлерстайна. Да что там Т. Парсонс, если даже позитивизм выглядел устойчиво весь двадцатый век, несмотря на разгром М. Вебером ещё в начале века. И даже в двадцать первом веке позитивизм все ещё наличествует в виде логических позитивизмов и за счёт того, что его критикуют другие подходы например критический реализм. Таким образом позитивизм пытается удержаться в научном дискурсе, хотя с каждым годом по этому поводу рефлексивует, вероятно, все меньше представителей академического сообщества и, вероятно, через ещё некоторое время позитивизм перестанет произноситься на конференциях и семинарах и появляться на страницах статей и монографий. Структурный функционализм ещё был в силе во многом за счёт

⁷ Луман, Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.

⁸ Kuhn, T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

большинства в академическом истеблишменте, о чем справедливо писал А. Гоулднер. Новые теории появляются по крайней мере не только из-за того, что старые перестают работать. К анализу Т. Куна представляется корректным добавить положение о том, что новые теории появляются как ответ на внутриакадемический или внеакадемический то есть социальный кризис с целью описать и объяснить происходящее и смягчить не только мнение и уровень тревожности членов академии, но и уровень тревожности других общественных подсистем и их членов.

Э. Гидденс является одним из известнейших и ярчайших представителей волны посткризисных теоретиков. Э. Гидденс⁹¹⁰ с теорией структурирования обозначил один из полюсов нового посткризисного предметного поля социологии, введя в научный дискурс концепт дуальности структуры. Он описал взаимоотношения структуры и действия с точки зрения рекурсивности природы их взаимозависимости. Здесь же важно отметить интегративный потенциал предложенной Э. Гидденсом посылки о рекурсивной природе связи макро и микро и значительный вклад в интегративное теоретизирование.

Надо сказать, что интегративное теоретизирование стало символом второго социологического кризиса и одновременно символом его преодоления. Ранее социологи-теоретики старались разрабатывать отдельные элементы противостоящих парадигм для усиления последних по модели, например, научно-исследовательских программ, описанной И. Лакатосом¹¹. В результате второго социологического кризиса начал стремительно нарастать тренд интегративного теоретизирования. Наряду с этим трендом отдельно стоит отметить синхронно выросший тренд метатеоретизирования. Здесь стоит

⁹ Giddens, A. Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Macmillan, 1979.

¹⁰ Giddens, A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.

¹¹ Lakatos, I. The Methodology of Scientific Research Programmes: Philosophical Papers Volume 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.

отметить работы Дж. Ритцера¹², Дж. Александера¹³, В.И. Дудиной¹⁴, Д.В. Иванова¹⁵. Появление практики метатеоретизирования свидетельствует о том, что наука об обществе на тот момент накопила достаточно теоретического материала. Практика метатеоретизирования направлена на анализ этого материала. Появление практики метатеоретизирования говорит так же о наличии запроса на анализ теоретического материала и на отсутствие такого анализа. А с разработкой сразу нескольких больших или общих социологических теорий за короткое время сделало практику метатеоретизирования просто необходимой для аналитической работы не только по исследованию базовых теоретических положений различных интегративных парадигм, но и по проведению сравнительного анализа между различными общими концептами интегративных парадигм или тем, как различные интегративные парадигмы подходят к решению фундаментальных и теоретических или прикладных задач, но и для сравнения самих интегративных парадигм между собой для прояснения их интегративного потенциала. Особенность практики метатеоретизирования состоит в том, что здесь внимание исследователя и исследования фокусируется не столько на актуальных проблемных ситуациях в науке сколько на основаниях и следствиях а так же структуре конкретных теорий, которые оказываются объектами исследования. Практика метатеоретизирования позволяет академическому сообществу корректировать и уточнять конкретные теории с тем, чтобы те корректно описывали и объясняли происходящие в обществе процессы с учётом изменяющейся природы этих процессов. В этом смысле структурному функционализму Т. Парсонса не хватило в своё время метатеоретического аудита.

¹² Ritzer, G. Reflections on the Rise of Metatheorizing in Sociology // Sociological Perspectives. 1990. No. 34(3). pp. 237-248.

¹³ Alexander, J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2005.

¹⁴ Дудина, В.И. Стратегии метатеоретизирования в социологии // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 10–19.

¹⁵ Иванов, Д.В. Тренд метатеоретизирования в современной социологии // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 3–10.

Ценность практики метатеоретизирования для социологии сложно переоценить. В то же время, ее актуализация в виде ответа на второй социологический кризис, выразившийся в необходимости уточнения предметного поля социологии и в необходимости глубокой разработки посылки о взаимозависимости микро- и макроуровней демонстрирует нам подлинно кризисное состояние социологического знания на тот момент. Наш основной тезис по этому поводу заключается в том, что актуализация практики метатеоретизирования свидетельствует о кризисном состоянии социологического знания в целом. Справедливо и обратное: при угасании тренда метатеоретизирования можно говорить о постепенном процессе преодоления кризисного состояния научного знания в данном случае в социологии¹⁶.

Продолжая анализировать основные интегративные парадигмы, разработанные как ответ на второй социологический кризис, нельзя не отметить теорию морфогенеза и морфостаза М. Арчер¹⁷. М. Арчер противопоставила концепции Э. Гидденса дуальности структуры концепцию дуализма структуры и действия. Дуализм, по М. Арчер, предполагает аналитическое разведение макро- и микроуровней с тем, что структуру предлагается понимать как аналитически предшествующую действию. В основе теории морфогенеза и морфостаза М. Арчер лежат разработки основных положений такого направления британской философской и социологической мысли как критический реализм. Здесь важно отметить, что внутри интегративных парадигм в ходе работы по преодолению второго социологического кризиса сформировалось устойчивое противостояние двух принципиально различающихся подходов к трактовке основной посылки интегрализма о природе взаимозависимости макро- и микроуровней: дуальность (Э. Гидденс) и дуализм (М. Арчер). Сам факт того, что в ходе уточнения предметного поля социологии в ходе преодоления второго социологического кризиса теоретики

¹⁶ Сергеев, В.С. Метатеоретизирование как преодоление социологического лага // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 137-142.

¹⁷ Archer, M. *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.

концептуализировали очередную фундаментальную дихотомию, говорит о том, что очередной кризис привёл к постановке очередных фундаментальных проблем как для теории, так и для практики, поскольку и дуальность и дуализм необходимо операционализировать и сделать эмпиричными, что является отдельной проблемой и в первом и во втором случае, но в первом более существенной проблемой.

Новый кризис ставит новые проблемы, требующие решения и решения были предложены. Так, П. Бурдьё¹⁸¹⁹ внёс в социологию существенный вклад, введя в научный дискурс концепцию двойного структурирования социальной реальности, концепцию поля, габитуса, капиталов. Метафоры поля и капиталов оказались весьма эффективными. Структуралистский конструктивизм или конструктивистский структурализм — теория П. Бурдьё — оказал определенное воздействие на академическое сообщество, добавив столь необходимые критикуемой за абстрактность социологической теории демаркационные линии как на структурном, так и на агентностном уровне.

Действительно, в социологии и в социологической теории в частности существует проблема демаркации не только различных состояний макроконцептов друг от друга, но и существенных свойств микроконцептов. Проблема демаркации в своё время, а именно в 90е гг. XX века, привела социологию в объятия постмодернизма. Проблема демаркации социологических концептов категорий и понятий а так же, что наиболее существенно, различных состояний этих категорий концептов и понятий стоит остро и сейчас. Особенно сейчас, поскольку тренд постмодернизма уже сошёл, но дух постмодернизма ещё не выветрился из лабораторий, аудиторий и читальных залов факультетов социологии. Вполне закономерным следствием является то, что жесткая демаркация холизма и номинализма в социологии в начале двадцатого века постепенно размывалась и Т. Парсонсом и его последователями, и П. Сорокиным и его последователями, так что ко времени второго социологического кризиса жесткая демаркация сменилась мягкой, а с

¹⁸ Бурдьё, П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

¹⁹ Бурдьё, П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007.

легкой подачи теоретиков интегративных парадигм стала почти непроводимой. Эту ситуацию только усугубили теоретики постмодернизма, когда провозгласили отрицание историчности и историко-сравнительного и ретроспективного анализа как таковы. Если нет сравнения, то нет и критериев сравнения. Если нет критериев сравнения, то нет и объектов для сравнения. Если нет объектов для сравнения, то нет и оснований для проведения сравнительного анализа. Если нет оснований для проведения сравнительного анализа, то нет необходимости для проведения демаркационной линии между различными состояниями различных макросоциологических или микросоциологических концептов. Это оказалось серьезной проблемой, учитывая общее научное требование концептуализации и операционализации социальных явлений как явлений эмпиричных. Как социология будет выполнять свои научные функции, если перестанет проводить демаркационные линии между своими собственными теоретическими или практическими разработками? В данном случае благодаря оставленной Э. Гидденсом и М. Арчер лазейке в виде дихотомии дуальности и дуализма социальной структуры проблема демаркации может быть решена. Здесь же необходимо отметить и вклад П. Бурдьё за своевременное наполнение социологической теории и практики эффективными метафорами, позволяющих проводить множественные демаркационные линии между множественными состояниями множественных макросоциологических и микросоциологических концептов.

Необходимо отдельно отметить Ю. Хабермаса²⁰²¹ и его теорию коммуникативного действия. Помощь с философского фронта пришла как нельзя кстати. Феноменология Э. Гуссерля²² и его концепт жизненного мира рано или поздно должны были быть концептуализированы в социологии, поскольку имеют существенный теоретический и аналитический потенциал. Ю.

²⁰ *Habermas, J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and Rationalization of Society. Boston: Beacon Press, 1984.*

²¹ *Habermas, J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston : Beacon Press, 1987.*

²² *Гуссерль, Э. Логические исследования. Т. 1. Н.: Сагуна, 1994*

Хабермас сделал то же, что и М. Арчер с философией Р. Бхаскара²³, переводя основные положения критического реализма Р. Бхаскара на социологический язык. Здесь важно, что в социологии возник запрос на расширение категориального аппарата и потребовались не только новые эвристичные метафоры, но и новые категории анализа: тут и гадамеровская²⁴ герменевтика у Э. Гидденса, и диалектика у К. Маркса²⁵, и феноменология у Ю. Хабермаса, и экзистенциализм ясперовский и хайдеггеровский у теоретиков франкфуртской школы и прочее и прочее. Такое обильное обогащение социологического категориального аппарата силами теоретиков, переводивших философские концепты в социологические, означает, как минимум, качественный скачок в развитии социологии как науки.

Если социологии для решения ее проблем уже недостаточно собственного категориального аппарата и исследователи заимствуют приемы из философии или смежных социальных наук, образуя субдисциплины, это является прямым фактором если не доминирования социологии в поле социальных наук, то, по крайней мере, претензии на доминирование. Это объясняется теми проблемами, которые возникли и в теоретической, и в практической социологии в ходе второго социологического кризиса и как следствие из него. Выход из кризиса требует принятия определенных решений. Стоит отметить корректность и грамотность теоретиков, которые занимались пополнением социологического категориального аппарата. Это действительно сыграло значительную роль в работе по преодолению второго социологического кризиса.

Отдельно необходимо отметить Б. Латурса²⁶, который оказался тем теоретиком, которому удалось и с постмодернистами, разрушавшими основы социологического знания, подружиться и с социологами не поссориться за счёт оригинальной но от этого не менее глубоко проработанной акторно-сетевой

²³ *Bhaskar, R.* A Realist Theory of Science. London: Verso, 2008.

²⁴ *Gadamer, H.* Philosophical Hermeneutics. Trans. and ed. by David Linge. Berkeley: University of California Press, 1976.

²⁵ *Marx, K., Engels, F.* Karl Marx: Selected Writings. Oxford: Oxford University Press, 2000.

²⁶ *Латур, Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

теории. Здесь тоже имеются определенные проблемы, например, с той самой историчностью или с выходом на макроуровень. Б. Латур, как и П.Бурдьё, привнёс в социологический анализ много полезных а главное эффективных метафор: актор-сеть, сборка, чёрный ящик и другие.

Сразу несколько серьезных больших или общих социологических теорий были представлены за короткий промежуток времени в 80-90е годы XX века. В социологию поступило огромное количество новых метафор, концептуальных схем связи концептов, понятий, дихотомий, новых теоретических и практических задач, исследовательских проблем. Процесс стремительного расширения и усложнения предметного поля можно рассматривать как отдельный пример усложняющейся дифференциации которая, вероятно, носит инертностный характер. Интегративные парадигмы хоть и были направлены на реинтеграцию социологического знания, но, столкнувшись с собственным массивом информации оказали на академическое сообщество в некотором смысле обратный эффект. Пропускная способность социологии и социологов которые вступили во второй социологический кризис, имея в распоряжении наследие классиков и структурный функционализм Т. Парсонса, оказалась недостаточной для мощного потока из новых множественных теорий с их множественными и такими разными пусть и работающими на одну цель концептами.

Новые метафоры оказались лучшими помощниками при концептуализации социальных явлений, но, в то же время, часто путали и путают специалистов до сих пор. Дошло до того, что социология как во времена расцвета Чикагской школы или даже П. Лазарсфельда²⁷, и эмпирики в частности просто игнорируют теоретические разработки ввиду их представляемой абстрактности. Дошло до того, что социологи разделились условно на эмпириков и теоретиков, хотя с нашей точки зрения разделение это по большей части является следствием активного наполнения социологии новыми метафорами, теориями, концепциями, проблемами и прочим, что не

²⁷ Lazarsfeld, P. *Qualitative Analysis: Historical and Critical Essays*. Boston: Allyn and Bacon, 1972.

нашло отклика у так называемых эмпириков ввиду отсутствия возможности у эмпириков уделить достаточное время разработке теоретико-методологических оснований исследования. Это ещё одна проблема современной социологии, которая вероятно постепенно сгладится. Но скорость этого сглаживания зависит от скорости обработки и пропускной способности теоретиков и социологии в целом обработать весь тот материал, который обогатил социологию в ходе осуществления мер по преодолению второго социологического кризиса. Необходимо решать проблему и обрабатывать массивы теоретических наработок. К тому же и эмпирические данные копятся очень быстро и в большом объеме и не совсем понятно, зачем столько данных собирается, что отражено, например, у Ж. Тощенко²⁸. Тотальная перегрузка производственных мощностей социологии и социологов является актуальной проблемой. В такой ситуации одновременного сосуществования различных теоретико-методологических подходов, положений и различных посылок о том или ином статусе того или иного макросоциологического или микросоциологического концепта, социология начала существовать в новом режиме — в режиме мультипарадигмальности.

Принцип мультипарадигмальности предполагает сосуществование различных и часто противоположных теоретических и методологических посылок в одном поле. Война аргументов при принципе мультипарадигмальности не имеет такого же значения как, скажем, она имела при аналитическом противостоянии М. Вебера и Э. Дюркгейма. В некотором смысле принцип мультипарадигмальности олицетворяет фейрабендтовское «подходит все»²⁹. Действительно, при обозначенной перегрузке исследовательских мощностей уже все идёт в ход, поскольку обрабатывать массивы теоретических и эмпирических данных как-то надо. И если с теорией как минимум можно перечислить основные направления работы и обобщить определенные концепты и парадигмы в группы на примере интегративных парадигм и работать с ними, то с эмпирией ситуация представляется более

²⁸ Тощенко, Ж. Редакционная статья // Социологические исследования. 2014. № 7.

²⁹ Feyerabend, P. *Against Method*. London: Verso, 2010.

сложной. Эмпирических данных очень много. Объём имеющихся эмпирических исследований не поддаётся оценке. Не всегда понятно, зачем проводится то или иное исследование, на решение каких именно проблем и задач оно направлено. Но данные собраны, анкеты заполнены, отчёт подготовлен.

М. Буравой³⁰ и П. Штомпка³¹ пытались предложить решение для социологии или, по крайней мере, для членов академического сообщества. Сегодня социология представляется обслуживающей наукой, которая занимается поставками легитимирующих действия заказчиков результатов исследования. Не проведение исследований, а поставка необходимых заказчику результатов исследований для легитимации действий заказчика и, в целом, для лоббирования при помощи полученных результатов заказчиком своих интересов.

Есть и позитивные моменты, например, рефлексия социологией и социологами по поводу своего состояния и положения. Так или иначе, мы пришли через предпосылки предпосылок современного положения социологии к современным условиям, в которых обнаруживает себя исследователь. Обнаруживает не только себя, но и проблемы, которые требуют решения. Так, проблема структуры/действия, похоже, несколько увязла во множестве подходов, посылок и теорий. Проблема концептуализации эмпирической связи между макро и микро тоже. Вообще вся теоретическая социология несколько замедлилась под влиянием недавнего постмодернистского тренда. Для анализа этого процесса замедления мы предлагаем использовать концепт социологического лага.

Социологический лаг характеризует отставание темпов развития или изменения социологии от темпов развития и изменения общества. Основной посылкой здесь является посылка о необходимости разработки таких базовых положений и теоретико-методологических оснований теорий и концепций, которые бы позволили этим теориям и концепциям развиваться и изменяться *вместе* с обществом. Это похоже на идеальный тип, когда социология

³⁰ Burawoy, M. For Public Sociology! // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. pp. 4–28.

³¹ Sztompka, P. Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. 2008. Vol. 16. No. 1. pp. 1–15.

молниеносно реагирует на изменения в обществе и тут же ухватывает проблематику социальных отношений, на бегу разрабатывая необходимую исследовательскую программу и рекомендации по решению конкретной социальной проблемы. Это идеальная ситуация, поэтому используется именно метафора лага. Вероятно, этот лаг в том или ином виде всегда не просто будет, но должен присутствовать. По той причине, что на исследование необходимо время. А если взглянуть на проблему лага более глубоко, то здесь имеет место эпистемологический аргумент. Чтобы какое-то социальное явление стало объектом или предметом социологического исследования, необходимо выполнения определенного условия, а, именно, чтобы это явление уже было продолжительным во времени. Исключение составляют исследования футурологического типа, например, Э. Тоффлера³². Но даже здесь в виде необходимой почвы для долгосрочных и среднесрочных прогнозов выступают уже продолжительные во времени социальные явления. Поэтому в отличие от идеального типа реальный лаг можно в той или иной степени сократить, но не преодолеть.

Показатель лага может оказаться эффективным критерием определения скорости развития и изменения или задержки социологии относительно развития и изменения общества. Лаг так же является показателем того, справляются ли исследователи и хватает ли им исследовательских мощностей. Нужен толчок, драйвер для качественного изменения социологии, но если мы посмотрим на историю социологии то таким драйвером, как правило, выступал общенаучный кризис.

§2. Проблематизация ограничений интегративных парадигм

В рамках интегративных парадигм анализируется возможность и потенциал синтеза таких полярных подходов к рассмотрению процессов, происходящих в обществе, как объективизм и субъективизм. В теоретической социологии эта проблема представлена в виде дихотомии структуры/действия.

³² *Toffler, A. The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow. New York: Bantam, 1989.*

Несмотря на существенные успехи, достигнутые интегративными парадигмами в деле концептуализации связи структуры и действия, такая аналитическая лакуна как понятие социального оказалась оставленной и не заполненной. Ввиду этого представляется необходимым проведение сравнительного метатеоретического анализа интегративных парадигм с прояснением того, как в их рамках концептуализировано понятие социального. Эта необходимость обусловлена проблемой деактуализации понятия социального как макроконцепта социологии³³. Реактуализация проблематики понятия социального представляется актуальной для современной теоретической социологии ввиду обозначенной выше необходимости уточнения предметного поля для преодоления некоторой дезинтеграции академического сообщества и выработки устойчивых базовых положений.

Интегративные парадигмы имеют несомненные аналитические достоинства, которые можно обобщить в виде их способности концептуализирования сложных структурных и агентностных образований. Но понятие социального требует от интегративных парадигм разработки более глубоких концептуальных схем, поскольку определение природы социального уже является отдельной проблемой для исследователя. Таким образом, проверка способности интегративных парадигм корректно описывать и объяснять даже такие несколько абстрактные макроконцепты как социальное много может нам сказать о структуре этих парадигм. Понятие социального является своего рода лакмусовой бумажкой для интегративных парадигм. Прежние макросоциологические или микросоциологические парадигмы подходили к проблематике социального довольно однозначно, исходя из свойственного им структурного или агентностного детерминизма. В рамках интегративных парадигм разрабатывается посылка о взаимозависимости макро и микро, поэтому в рамках интегративных парадигм концептуализация понятия социального является качественной аналитической проверкой парадигм на соответствие своим базовым положениям.

³³ *Сергеев, В.С.* Понятие социального как проблема для интегративных парадигм // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 120-127.

В общей теории систем Н. Лумана индивидуальному уровню назначается роль составной части процесса воспроизводства социальной системы. Особое место в анализе теоретика занимает концепт двойной контингентности. Действие индивида и ответное действие другого, по Н. Луману, являются неопределенными по умолчанию. Это вынуждает индивида ориентироваться не на своё действие, а на возможную интерпретацию своего действия со стороны другого. По Н. Луману, это принуждение имеет место для всех индивидов. Таким образом, индивидуальный уровень не может претендовать на самостоятельную роль в процессе системного воспроизводства, поскольку в его основе лежит элемент неопределённости. Индивид оказывается подчинён логике системы, которая ориентирована на самопроизводство и поддержание своей жизнедеятельности. Кроме неопределённости Н. Луман отмечает влияние на индивида со стороны того, что он называет процессом или актом произнесения. Здесь теоретик предлагает анализ перлокутивного и иллокутивного типа высказываний, которые оказываются своего рода концептуализированной двойной контингентностью. В целом, индивид в теории Н. Лумана важен, поскольку именно индивид в конечном итоге обеспечивает поставку необходимых для поддержания жизненного цикла системы элементов. Таким образом, индивид хоть и находится в несколько фаталистическом положении, в целом Н. Луман справляется с реализацией принципа взаимозависимости макро и микро. Системная нестабильность выступает у Н. Лумана стабилизирующим элементом. Неопределенность другого является точкой опоры для индивида. Социальное для Н. Лумана неопределенно, а потому выполняет стабилизирующую функцию и является в некотором роде основой социального взаимодействия.

Э. Гидденс в своей теории структуриации делает особый акцент на том, что индивид является знающим и рефлексивным агентом, который действует на основе свободного выбора в рекурсивном процессе воспроизводства структуры и действия. Условия, которые формируются на структурном уровне, в свою очередь не столько ограничивают индивида, сколько помогают ему сориентироваться в окружающей его социальной реальности. Для того, чтобы

подчеркнуть эту посылку, Э. Гидденс вводит в свой анализ такие концепты как онтологическая безопасность или высвобождением социальных отношений. Можно заключить, что в рамках теории структурирования отношения структуры и действия концептуализированы как отношения аналитически равнозначных элемента анализа. Социальное для Э. Гидденса является рекурсивным и вневременным. В рамках рекурсивного цикла воспроизводства структуры на основе провозглашения принципа ее дуальности, британский социолог предлагает понимать социальное как неотъемлемую и присутствующую везде составляющую часть этого процесса, которую нельзя изъять, как нельзя изъять и действие.

В теории морфогенеза и морфостаза М. Арчер в противовес рекурсивной структуризации Э. Гидденса реализуется принцип аналитического дуализма. Структура здесь аналитически предшествует действию, однако отношения между действием и структурой концептуализируются как отношения взаимозависимости через ввод в анализ концепта эмерджентности, обеспечивающего необходимую автономию и структуре, и действию, и культуре. Для М. Арчер социальное имеет эмерджентные состояния и свойства и несводимо, таким образом, ни к предыдущим действиям, ни к предыдущим условиям действия, ни к их свойствам, ни к сумме их свойств.

В теории конструктивистского структуриализма П. Бурдьё деятельность индивида определяется как «социальные импровизации». В то же время П. Бурдьё выступает за объективное существование структур, реализуя, таким образом, посылку о взаимозависимости макро и микро. Социальное для П. Бурдьё множественно, динамично и аналитически первично по отношению индивиду. Социальное в рамках конструктивистского структуриализма в некотором роде текуче, как различные формы капитала, способные конвертироваться друг в друга в различных полях практик. В то же время социальное для П. Бурдьё имеет структурирующую функцию, обеспечивая, тем самым, процесс двойного структурирования социальной реальности.

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса предполагает рассмотрение дихотомии структуры/действия с точки зрения актуализации

проблемы понимания субъектами социальных отношений друг друга, в то время как концепт внешнего мира является для Ю. Хабермаса константой. Сохранение за индивидом возможности действовать относительно свободно обеспечивается Ю. Хабермасом через трактовку речевых актов как содержащих некоторую претензию на обоснованность своей индивидуальной свободы. Таким образом, у Ю. Хабермаса хоть и сохраняется посылка о взаимозависимости макро и микро, все-таки индивид здесь выглядит оставленным несколько в стороне и большую агентностную нагрузку несут речевые акты, олицетворяя своего рода момент связи макро и микро. У Ю. Хабермаса социальное имеет двойную трактовку. С одной стороны, индивидуальный уровень социального концептуализирован как локальная разобщенность. С другой стороны, структурный уровень социального оказывается концептуализирован как глобальная вовлечённость. Это позволяет говорить о всестороннем взгляде Ю. Хабермаса на природу социального, учитывающим интегративную посылку о взаимозависимости макро и микро.

Из проведённого сравнения концептуализации понятия социального в рамках различных интегративных парадигм нам представляется необходимым сделать вывод о том, что обозначенные интегративные парадигмы, в целом, корректно реализовали посылку о взаимозависимости макро и микро. Это имеет существенное значение, поскольку именно посылка о взаимозависимости макро и микро является одной из основных посылок интегрализма. Более того, проведённое сравнение показало, что использование для «проверки» теорий, претендующих на сосуществование с другими в поле интегративных парадигм такие критерии как концептуализация дихотомии структуры/действия и понятия социального являются определяющими и могут использоваться для тестирования других теории на предмет соответствия основным положениям интегрализма.

§3. Базовые положения критического реализма

Критический реализм является направлением, основанным британским философом Р. Бхаскаром³⁴ в виде антипозитивистской концепции в 70е годы XX века. Наряду с ним над работы по этой теме, которые обогатили направление, были написаны такими британскими философами, как: Э. Сэйер, Э. Коллинз и др. В социологии направление критического реализма представлено работами британских социологов М. Арчер, У. Аутивейта и др.

Одним из основных исходных пунктов критического реализма является критика юмовского понимания причинности как наличия устойчивой связи на уровне событий. Это следует из положения классического эмпиризма о том, что тот мир или социальная реальность является наличествующей, которая может быть прочувствована при помощи органов чувств и, соответственно, главным онтологически-эпистемологическим одновременно свойством социальной реальности, согласно классическому эмпиризму, является свойство быть воспринимаемыми через органы чувств. При таком рассмотрении онтология сводится к эпистемологии, а социальная реальность — к нашему знанию о ней. И это составляет второй столп направления критического реализма: критика сведения онтологии к эпистемологии и выступление за строгое аналитическое несведение онтологии к эпистемологии. Третьим основным моментом, определяющим направление критического реализма, является разделение социальной реальности на открытую и закрытую систему по аналогии в таком же приёме, осуществляемым в науках естественных. Существенным здесь является то, что общество определяется как открытая система. Более того, особенностью социальной реальности по сравнению с природой является затруднительное создание закрытых систем, практикующееся в естественных науках.

Здесь необходимо отдельно выделить концепт порождающих механизмов, охарактеризованный в рамках критического реализма особым образом. В отличие от идеализма, где механизм есть некоторое идеальное состояние макро, оказывающее влияние на микро, но при этом недостижимое для исследователя

³⁴ *Bhaskar, R.* The Possibility of Naturalism: A philosophical critique of the contemporary human sciences. London: Routledge, 1998.

ввиду собственной трансцендентности, механизм или порождающий механизм в рамках критического реализма концептуализируется, с одной стороны, тоже как часть реального изменения (в триаде реальное — действительное — эмпирическое) и, потому, наделяется определёнными свойствами, которые соответствуют макроконцептам измерения реального, в частности, причиняющей силой. С другой стороны, в отличие от идеализма в духе трансцендентального идеализма И. Канта, в рамках критического реализма измерение реального не определяется как недостижимое для исследователя или имеющее некоторое идеальное состояние, которое не имеет никакого отношения к наблюдаемой социальной реальности за исключением роли при уточнении разрабатываемых идеальных моделей функционирования общества. Механизмы и структуры концептуализируются в рамках критического реализма как имеющие конкретное выражение не только на уровне измерения действительного, но и на уровне измерения эмпирического. Таким образом, для исследователя, работающего с теоретико-методологическими основаниями критического реализма, возникает потенциальная возможность обращаться не к некоторым идеальным состояниям объекта и предмета исследования, но разрабатывать и уточнять модели, описывающие и объясняющие эмпирически фиксируемые результаты функционирования таких макроконцептов как порождающие механизмы и социальные структуры.

Для этого отдельно обозначена следующее базовое положение критического реализма о причиняющих силах механизмов и структур. Поскольку механизмы и структуры находятся на уровне измерения реального, непосредственное взаимодействие с ними или манипулирование представляется крайне затруднительным. В то же время критический реализм предполагает потенциальную возможность такого взаимодействия, но не через измерение реального, а через измерение действительного. Причиняющие силы являются концептом, позволяющим исследователю моделировать результат функционирования механизмов и структур. И через моделирование результата их функционирования выходить на моделирование устройства и образования самих механизмов и структур. Анализировать работу механизмов и структур

становится аналитически возможно с вводом концепта причиняющей силы. Посредством ввода концепта причиняющей силы обеспечивается возможность выйти не на идеальное состояние механизма или структуры, а на реальные механизмы и структуры, которые создают условия для эмпирически фиксируемого и непосредственно наблюдаемого действия.

Обеспечение связи между макро- и микроуровней посредством анализа причиняющей силы, эффект от которой исследователь может наблюдать и фиксировать при проведении исследования, является несомненным достоинством направления критического реализма. Концептуализация связи макро и микро является для теоретической социологии существенной проблемой. Для решения этой проблемы необходимо определить онтологический статус и макро-, и микроуровня. Следующей базовой посылкой, реализуемой в рамках направления критического реализма, является посылка о предсуществовании социальных форм. Из этой посылки следует, что социальная реальность в ее данности всегда предсуществует по отношению к индивиду. Мир всегда готов, существует заранее. Новый индивид уже ребёнком обнаруживает себя в полностью предзаданном мире природы и людей, где имеются в наличие все нормы, языки, традиции, нормативные акты, образцы поведения и прочее. Предзаданность или предсуществование социальной реальности является для критического реализма одним из базовых положений, поскольку обеспечивает теоретическое обоснование особого статуса механизмов и структур, функционирующих на уровне реального, на который ни индивиду, ни исследователю не выйти. Предсуществующая социальная реальность является своего рода контекстом для развития и изменения индивида и всего общества.

В связи с посылкой о предсуществовании социальной реальности необходимо прояснить элемент детерминизма и то, как он рассмотрен в рамках направления критического реализма. Исходя из положения о предданности социальной реальности возникает необходимость концептуализации влияния, оказываемого со стороны механизмов и структур на деятельность индивида. Классическая дихотомия детерминизма/волютаризма анализируется в рамках

направления критического реализма с помощью определения деятельности как имеющей некоторые лимиты. Так, находясь в предзаданных структурой социальных условиях, индивид имеет возможность действовать на основе свободного выбора, но в рамках некоторых лимитов или пределов, которые имеет конкретная структура или социальная реальность в целом. Такое понимание деятельности с одной стороны обеспечивает сохранение волюнтаристской логики, а, с другой, уделяет должное внимание воздействию контекстуальных условий. На наш взгляд, положение критического реализма о естественном лимитировании деятельности органично дополняет схему взаимовлияния макро и микро, поскольку обеспечивает и анализ действий индивида как осуществлённых на основе свободного выбора, а не навязанного, так и уделяет необходимое внимание структурным условиям, в которых эти действия были осуществлены.

Одной из существенных проблем современной теоретической социологии является проблема концептуализации связи микро и макро. Посылка критического реализма о том, что деятельность индивида имеет некоторые пределы, обусловленные структурным уровнем, но, в то же время рассмотрение действия как осуществляемого на основе свободного выбора с данных пределах, направлена на решение этой проблемы. Базовые положения критического реализма помогают исследователю не только в деле концептуализации основных социальных процессов как на микро-, так и на макроуровне, но и обеспечивают исследовательской логике необходимую гибкость для корректного описания и объяснения пребывающей в постоянном развитии и изменении социальной реальности.

Глава 2. Интегративный цикл воспроизводства действия и структуры

§ 1. Эмерджентные свойства действия

Множество подходов, имеющих различные и часто противоположные базовые положения, разрабатывают и анализируют разные образы социальной реальности. В конечном итоге это привело к тому, что сейчас можно назвать дисциплинарной раздробленностью, мультипарадигмальным кризисом, социологическим лагом.

Для анализа уровня действия необходимо рассмотреть и влияние на этот уровень в том числе и постмодернизма. Так, Ж. Бодрийяр³⁵ достаточно точно определил природу результата действия как симулякра. Действительно, окружающие нас артефакты не имеют образца. Тогда каким образом артефакт наделяется социальными свойствами? С одной стороны, это происходит во время использования артефакта индивидом. Тогда можно говорить о некотором детерминизме. Без изготовления артефакта он не был бы наделён социальными свойствами через использование. Образ использования часто предшествует использованию. Акт использования в некотором роде является симулякром. Образ использования не может выступать в качестве образца, поскольку образ не гарантирует результат. Образ есть идеальный тип. Артефакт не соответствует образу артефакта. Различия между артефактом и его образом оказывают влияние на использование артефакта. Использование неидеального артефакта, наделённого идеальными социальными свойствами, приводит к невозможности индуктивного теоретизирования. Объясняющее не позволяет выйти на объясняемое.

С другой стороны, процесс приобретения артефактом социальных свойств оказывается как бы независимым от акта использования артефакта. Вернее, от интерпретации использования использующим. Акт применения здесь становится самостоятельным и независимым. Артефакт как бы сам

³⁵ Baudrillard, J. Simulacres et simulation. Paris: Galilee. 1981.

вбирает в себя социальные свойства, индивид ничего не может с этим поделаться. И в первом случае и во втором артефакт результирует в нечто не просто не соответствующее первичному образу, а часто вообще неожиданное, контингентное. И речь уже идёт не об адаптации артефакта к миру, а, скорее, об адаптации мира к артефакту. Встраивание артефакта в ряд многих других происходит на основе причиняющей силы вбираемых им социальных свойств. Артефакт одновременно является множеством возможностей, из которых выбирает индивид.

Индивид — это тот же артефакт, поскольку образец отсутствует. Индивид использует себя, индивиды используют других индивидов. Акт использования предполагает наделение единицы использования социальными свойствами. Перед использованием индивид наделяет себя или другого определенными социальными свойствами на основе имеющихся данных. В процессе использования социальные свойства используемого материала (себя или другого) могут быть и подвергаются изменению/уточнению/воспроизводству. Процесс использования оказывает влияние не только на процесс придания социальных свойств, но и на сами социальные свойства объекта. Результат использования фиксирует статику/динамику социальных свойств объекта.

Отличие неодушевленного артефакта от артефакта в виде индивида — в наличие у индивида рефлексивности по поводу своих социальных свойств и социальных свойств других артефактов. Рефлексивность артефакта добавляет неопределенности его социальным свойствам. При таком рассмотрении стабильность сокращается, трансформация преобладает. Более того, наличие рефлексивности способствует росту неопределённости социальных свойств у артефактов, рефлексивностью не обладающих. Неопределённость оказывается полезна и эффективной для индивида условием действия. Используя свою неопределенную позицию индивид может выбирать из пула социальных свойств те, которые необходимы ему в конкретное время в конкретном месте. Контингентность становится одной из основ того, что мы называем индивидуальной рациональностью. Концепт индивидуальной рациональности включает в себя рефлексию индивида по поводу социальной реальности и

занимаемой им поэзии в ней. Повышая свою неопределённость, индивид сталкивается с непреднамеренными последствиями своих действий. Чем выше неопределённость, тем больше влияния непреднамеренных последствий. Контингентность природы индивида является проблемой для теоретической социологии. Предпосылкой к этой проблеме является открытость общественной системы и вытекающие из этой посылки следствия о необходимости концептуализации связи индивидуального уровня анализа со структурным.

Действие, осуществляемое в определенном месте в определенное время, при своей концептуализации требует от исследователя обращения внимания на концептуализации не только места, но и времени. Обладает ли время социальными свойствами? Общество запустилось и разворачивается, вероятно, по некоторой инерции. Различные атомарные события оказывают влияние на вектор разворачивания общества. Поэтому достаточно сложно делать долгосрочные точные прогнозы. Время всегда налично, и это воспринимается как само собой разумеющееся. Время — это ещё и ощущение времени. Время не существует само по себе. Время есть образ времени. В то же время, оно существует независимо от составляющих этот образ элементов. Время принуждает индивида сократить свою неопределённость до конкретных социальных свойств. Время заставляет сделать выбор. Выбор оказывается свободным в плане наполнения, но несвободным в плане наличия. Выбор будет сделан — в этом выбора нет. Но в том, какой это будет выбор — выбор есть. Так проявляется двойственность свободы воли индивида, понимаемая и как имеющая свободное волюнтаристское основание, и как учитывающее контекстуальное воздействие структур.

Социальными свойствами обладает скорее не время, а временность. Временность структур и действия, их историчность делает их артефактами. Последствия часто непреднамеренны. Вероятно, большинство последствий непреднамеренны, поскольку образ никогда не совпадает с реальностью. Влияние непреднамеренных последствий изучено слабо. В социологии не уделяется достаточного внимания анализу непреднамеренных последствий действий индивида. Но прежде чем рассматривать последствия, необходимо

рассмотреть сами действия. Сторонники рефлексивных субъектов и сторонники интеракционизма скажут, что данный вопрос неуместен. Согласно их основному аргументу, все действия преднамеренны, ведь индивид вкладывает в них смысл и направляет на другого. С другой стороны, макросоциологи аргументируют, что свободы воли как минимум нет, а как максимум индивид может рассчитывать лишь на то, что структура спустит ему необходимые цели и он будет эти цели реализовывать, считая своими.

Современная социологическая теория не может дать однозначного ответа на вопрос об однозначной преднамеренности или непреднамеренности действий индивида. Все, что мы знаем о действии — это то, что оно существенным образом связано с двумя контекстами: образом контекста и реальным контекстом. Образ контекста относится к тому, что мы называем индивидуальной рациональностью, то есть к самостоятельной субъективной рефлексии индивида, которая может не только не совпадать с рефлексией другого, но так же и противостоять нормам, традициям, образцам поведения, нормативным актам. Реальный контекст или контекст вообще относится к абстрактной рациональности, которая составляет совокупность норм, правил, нормативных актов, ценностей и традиций.

Здесь очень хорошо видны два классических полюса — онтология и эпистемология. Хотя и образ контекста и контекст вообще, скорее, относятся только к эпистемологии — нашему знанию о мире. Но это противостояние наблюдается также в следующих дихотомиях: структура и действие, индивидуальная и абстрактная рациональность, образ контекста и контекст вообще, сцена и закулисье у И. Гофмана и проч. В то же время нет необходимости отходить от классического определения онтологии как мира самого по себе. Мира недостижимого и существующего независимо от нас. Но вот оно действие индивида, он его осуществляет. Здесь возникает проблема, связанная с концептуализацией причинности на уровне действия.

Причинность мира вообще оказывает на индивида определенное воздействие, но индивид и сам есть в некотором смысле причинность. Более того, индивид есть рефлексивная причинность. По К. Ясперсу, например,

дерево не существует, но человек — существует. Нельзя не отметить существенность посылки о человеке как рефлексирующей причиняющей силе. О такой причиняющей силе, которая способна помыслить своё причинение и составить об этом образ, включающий причиняющие силы других рефлексивностей. Причина действовать так или иначе не столь существенна, сколь существенна причиняющая сила причины. Причина есть некоторое событие или явление в череде событий и явлений. Но что делает событие из простого события причиной, так это его причиняющая сила. При таком рассмотрении юмовская трактовка закона как наличия постоянной связи на уровне событий обнаруживает свою неточность, если мы говорим об открытой системе. Причиняющая сила в открытой системе отличается от причиняющей силы, наблюдаемой в лабораторных условиях закрытой системы. Во-первых, в открытой системе элементы контингентны. Во-вторых, в открытой системе присутствует множество таких элементов. В-третьих, самое основное при рассмотрении особенностей открытой системы заключается в том, что даже при попытке создания искусственной закрытой социальной системы для проведения эксперимента или глубинного интервью, у исследователя нет возможности механически исключить влияние открытой системы. Участник социального эксперимента, помещённый в закрытую систему будет рефлексировать, используя весь свой опыт, включающий тот, что он имел до помещения в экспериментальную закрытую систему.

Причиняющую силу действия следует рассматривать, исходя из двух контекстов: индивидуального и реального. Или индивидуального и контекста вообще. Действие контингентно и для самого индивида. Индивидуальная рациональность рациональна только для конкретного индивида. Для другого индивида чья-то индивидуальная рациональность не будет рациональна, поскольку другой имеет свою собственную индивидуальную рациональность, которая может не только не совпадать с чьей-то, но и противопоставляться ей. В то же время, об абстрактной рациональности можно договориться. Но этот договор будет лишь на бумаге, как идеальный тип. Этот договор не будет причиняющей силой в полной мере. Здесь причиняющая сила синтезируется,

исходя из двух рациональностей, объединяющих свои потенции в конкретном индивиде для достижения целей. Влияние абстрактной рациональности вносит элемент контингентности в действие индивида, поэтому оно становится несколько контингентно для самого индивида, несмотря на имеющееся у него индивидуальное представление о природе вещей и о том, как они должны располагаться в социальной реальности.

Причиняющая сила оказывается результатом синтеза преднамеренных и непреднамеренных последствий. Но тогда нельзя говорить о том, что причиняющая сила принадлежит индивиду в полной мере. Не принадлежит она в этом смысле и контексту вообще. Причиняющую силу необходимо рассматривать с учетом ее временности или продолжительности во времени. Время неопределенно, но временность определена. Можно опустить время при анализе как нечто повышающее неопределённость. Но временность опустить нельзя поскольку анализ нацелен на получение конкретных оценок и результатов, а значит стремится к определённости, которую повышает использование категории временности. В этом отношении бесконечная рекурсия Э. Гидденса проигрывает в точности аналитическому дуализму М.Арчер. Разведение структуры и действия во времени повышает определенность результатов рассмотрения.

И пусть мы не можем согласно онтологическому реализму рассчитывать на выход на социальную реальность в ее чистом виде, мы можем, по крайней мере, отказаться от подмены социальной реальности ее образом. Все, что есть у индивида, — его составленный им образ социальной реальности концептуализированная здесь как индивидуальная рациональность. Словаря индивида достаточно для осуществления различения индивидом себя и социальной реальности. При этом, вероятно, знание индивида о социальной реальности является для него первичным по отношению к социальной реальности в ее чистом виде. По крайней мере, здесь и сейчас.

Вот оно общество, потому что эти люди здесь и сейчас — хорошая иллюстрация эпистемологического заблуждения. Задача социолога состоит в том, чтобы преодолеть это заблуждение и не допустить сведения онтологии к

эпистемологии. Здесь и сейчас — это не общество в его чистом виде. Здесь и сейчас — это контекст или условия для действия индивида, которые он может воспринимать как единственное, что имеет значение, поскольку в другой момент причиняющая сила абстрактной рациональности или контекста может отличаться, и индивиду придётся заново принимать решение в новом контексте. Контингентность компенсируется своей временностью. Здесь и сейчас оказываются важнее везде и всегда, поскольку нет никакой гарантии, что везде и всегда будет таким же, как здесь и сейчас. Поэтому и происходит некорректная подмена онтологии эпистемологией или, если сказать корректнее, вывод эпистемологии на первый план. Это справедливо для индивида. Он не обязан мыслить стратегически хоть это и всячески поощряется даже в массовой культуре. Но мыслить здесь и сейчас оказывается выгоднее, поскольку человек существует здесь и сейчас. И мы сильно сомневаемся, что существование можно поставить на паузу.

Самоосуществляющееся пророчество Р. Мертона, как и теорема Томаса, является недооценённым. Если ситуация воспринимается как реальная, она реальна по своим последствиям. Это, вероятно, один из сильнейших тезисов социологии на данный момент. В нем находят свои отражения и фиктивный статус, и индивидуальная рациональность, и абстрактная рациональность, и процессы структурного и агентного воспроизводства и трансформации. Многие вещи воспринимаются индивидом постфактум. Многим действиям придаются значения постфактум. Вероятно, это справедливо для большинства социальных действий. Мало того, что индивид предположительно большую часть своей жизни не вступает в социальное взаимодействие, так еще и тогда, когда вступает, не испытывает необходимости отдавать отчёт своим действиям здесь и сейчас, а имеет возможность придавать им смысл после осуществления.

Классическая трактовка социального действия предполагает заложенный в него смысл и направленность на другого. Но в большинстве случаев заложенный смысл артикулируется постфактум, исходя из реакции другого. Таким образом, можно предположить, что направленность является более существенным и, в некотором роде, константным свойством социального

действия, в то время как смысл не просто не закладывается заранее, но, скорее, намеренно не закладывается заранее, а предполагает постфактическую артикуляцию. Справедливо говорить не о предварительном закладывании конкретного смысла в действие, но о таком действии, которое предполагает множественную интерпретацию, исходя из контекста, включающего не только рефлексию действующего, но и рефлексию и обратную связь того, на кого это действие направлено. Индивиду более выгодна контингентность и контекстуальность действия, чем его определенность и однозначность. Но подобная утилитаристская логика влечёт за собой множество непредвиденных последствий, оказывающих куда большее влияние чем последствия ожидаемые. Количество непредвиденных последствий, в гуще которых индивид обнаруживает себя, оказываются для индивида контингентны, что заставляет его постоянно адаптироваться. При таком рассмотрении, даже направленность как свойство социального действия уходит на второй план. Основным свойством становится адаптируемость, объединяющая контингентность и контекстуальность. Действие, обладающее высокой способностью адаптироваться, может быть постфактум направлено на кого и на что угодно и иметь какие необходимо смыслы для достижения поставленных целей. Но такая гибкость обеспечивает самоосуществление самоосуществляющегося пророчества, поскольку, осуществляя действие, в которое заложены контекстуальность и контингентность, индивид отдаёт адаптацию этого действия на откуп контексту. По сути, индивид добровольно отдаёт право на интерпретацию своего действия другим в обмен на право иметь собственную свободную трактовку своего действия. Собственная свободная трактовка здесь оборачивается своего рода идеальным типом, который, как и в ситуации с образом артефакта, скорее, не соответствует, чем соответствует своим реальным социальным свойствами.

Отпуская действие, индивид теряет над ним контроль. Действие уже само интерпретирует себя как артефакт, наделяя или получая собственный контекстуальный социальный смысл. Индивид больше не властен над действием после акта действия. Он может пытаться придать ему то или

иное значение постфактум, но у него нет никаких гарантий, что другие разделят эту трактовку. Напротив другие, скорее, будут иметь иную трактовку, более выгодную им и направленную на достижение их целей. Эффект самоосуществляющегося пророчества объясняется действием самого действия и вбирание самим действием своих социальных свойств, исходя из контекста и контингентности. В попытке обеспечить себе больше возможностей трактовки собственного действия, индивид вынужден действовать контекстуально и контингентно даже для самого себя. Эта контингентность в большей степени, чем контекстуальность, оказывается билетом действия в собственное независимое от индивида измерение (интранзитивное, по Р. Бхаскару). Такова модель процесса перехода действия из транзитивного измерения через акт действия в интранзитивное посредством изначальной контингентности, закладываемой индивидом.

Возвращаясь к теореме Томаса, следует добавить, что восприятие индивидом реальности ситуации оттягивается им же самим вполне осознанно. Так, индивид обеспечивает контингентность действия для самого себя и выигрывает себе некоторое время для анализа контекста. Это нельзя называть стремлением к выгоде в чистом виде. Скорее, речь идёт о стремлении к вариативности, ведь индивидуальная рациональность освобождает индивида от необходимости придерживаться какой-то строгой логики. Умение адаптироваться как будто просачивается из физического мира в социальную реальность, чтобы стать одной из ключевых и здесь. В некотором роде, такое рассмотрение действия похоже на анализ социального факта в дюркгеймовском смысле. В дюркгеймовской реалистской и холистской методологии, за счёт концепта социального факта, видится больше прикладного потенциала, чем в номиналистской, но идеалистской методологии М. Вебера, хотя именно последний в большей степени ориентировался на эмпиричность.

Цена вариативности и, как следствие, более высокой степени адаптируемости оказывается для индивида существенной. Но он вынужден ее платить, поскольку на кону вполне осязаемый результат. Здесь вскрывается необходимость работы с действием постфактум, а, значит, с фиктивным

статусом действия. Значение, предаваемое действию постфактум, является, в некотором роде, фиктивным. Но в этом и достоинство вариативности, ибо чем она выше, тем выше шанс на адаптацию, а, значит, и на достижение результата. На этом этапе индивид уже вступает в борьбу не только с интерпретацией других, но и собственно с самим действием, пытаясь подчинить его контингентность. С одной стороны, индивид сам наделил своё собственное действие контингентностью. То есть сам намеренно освободил его от своего влияния. С другой, он это сделал, чтобы заново его подчинить. Как в момент акта действия, когда действие имело процессуальный характер и буквально вытаскивалось как железо на наковальне, чтобы потом принять такую форму, которую можно будет взять и использовать как превращённый в меч кусок железа. Но меч может использовать другой. Вот где и проявляется контингентность и контекстуальность. Нужно оказаться первым у меча или выхватить его из рук другого. Когда действие освобождено, начинается весьма сложная игра по подчинению этого действия себе, где и вступает анализ последствий. Множественность последствий предполагает множество преднамеренных или хотя бы просчитанных последствий и множество непреднамеренных последствий.

Восприятие сразу множества возможных ситуаций делает реальными сразу множество последствий. Невосприятие определенных вариантностных смыслов действия не отменяет их. Различные формы субъективного идеализма как, например, солипсизм, утверждают обратное. Но реальность невоспринятых последствий или смыслов действия не лишают действие этих последствий или смыслов по одной простой причине: они могут быть восприняты или ими могут наделить действие другие ввиду изначально переданных действию свойств контингентности и контекстуальности. Индивид даже для самого себя не может конкретизировать интерпретацию. Выбор смыслов может не совпадать с индивидуальной рациональностью индивида. Действие перестаёт быть подконтрольным индивиду сразу после совершения. В некотором смысле, и сам акт действия не принадлежит индивиду. Во время акта действия индивид совершает контингентное контекстуальное действие. Основная задача

индивида во время акта действия — обеспечить контингентность и соблюсти контекстуальность. Ни первая, ни вторая не являются собственностью индивида. Ни первая, ни вторая не диктуются индивидом. Возникает ситуация, при которой ни структурные условия действия, ни акт действия в конкретных структурных условиях не принадлежат сфере влияния индивида напрямую.

Мы предлагаем разделять этап подготовки и акт действия. Подготовка находится под контролем индивида в большей степени, нежели акт действия. Вероятно, подготовка — единственное, что по-настоящему находится во власти индивида и что мы можем назвать свободой воли. Индивид свободен в своей подготовке. В своей подготовке индивид реализует свободу к действию и даже к структуре, поскольку на этапе подготовки уместно феерабендское «возможно все». Может показаться, что редукция свободы воли к этапу подготовки серьезным образом ограничивает как возможность действовать свободно, так и возможность ставить цели на основе свободного выбора. Здесь нас больше интересует свобода в ее широком смысле. Этап подготовки как раз предполагает такую свободу. На этапе подготовки отсутствуют лимиты, отсутствуют ограничения. Этап подготовки — единственный этап социального взаимодействия, на котором у индивида есть абсолютная свобода и смыслов, и целей, и действий.

Контингентность оказывается первичным свойством действия, необходимым для его встраивания в систему социальных отношений. Обеспечение индивидом неопределённости осуществляемому действию позволяет сократить эту неопределённость и прийти к определённости за счёт того, что действие осуществляется в определенном контексте. Контекст, в некотором роде, сам назначит смыслы действию. Но это не означает наличие детерминизма. Контекст назначит смыслы действию посредством действий других индивидов. Контекст не существует сам по себе. Рефлексия осуществляется на этапе подготовки и, следовательно, входит в волюнтаристскую зону индивида. Теорема Томаса может быть переформулирована следующим образом: если у ситуации нет определенного

восприятия, то ее последствия контингентны и контекстуальны. На данный момент выявлены три этапа действия: этап подготовки, акт действия, освобождение действия. Часто исследователь может наблюдать лишь за последним этапом. Освобождение действия является самым протяженным во времени этапом. За счёт этого реализуется временность действия. Этап подготовки также может быть довольно протяженным во времени, но только для самого индивида. Акт действия, при таком рассмотрении, является тем этапом, который связывает волюнтаризм и неопределённость этапа подготовки с контингентностью и контекстуальностью освобождённого действия.

Освобождённое действие нельзя назвать определенным в полной мере ввиду его контингентности и контекстуальности. Но освобожденное действие является определенным в большей степени, нежели подготовка. Так же и подготовку нельзя в полной мере назвать неопределённой, поскольку она имеет вполне конкретные значения и смыслы для конкретного индивида. Неопределенная определенность подготовки на микроуровне индивидуального сознания через акт действия становится определённой, но контингентной и контекстуальной неопределённостью на макроуровне социального взаимодействия. Здесь мы используем концепты микроуровня и макроуровня в отличной от классической трактовке. Это необходимо для того, чтобы показать сущность связи между обозначенными этапами социального действия. Акт действия предлагается рассматривать не только как связующее звено, но и как этап на котором происходит изменение свойств действия. Акт действия, в некотором смысле, уже не принадлежит индивиду ввиду того, что, при его реализации, он перестаёт быть определенным и становится контингентным. Действие не делает себя свободным само, но так же его не делает свободным индивид. Во время осуществления действия индивид лишается тех преимуществ, которые он имел на этапе подготовки. Действие во время акта действия уже не то действие, которым оно было в воображении индивида на этапе подготовки. Действие во время акта действия, с другой стороны, ещё не свободное действие. Действие во время акта действия уже потеряло подготовительную форму, но ещё не приобрело новую — свободную. Действие

во время акта действия приобретает контингентные характеристики и свойства в виде лимитов, на основе которых оно будет встроено в контекст. Действие встраивается в контекст после акта действия на основе той контингентности, которую придал ей индивид после подготовки. Акт действия является результирующим этапом подготовки. В то же время стоит помнить, что акт действия не является последним этапом в цикле. Акт действия имеет существенное, но не основное значение во всем цикле. Сложно сказать, что какой-либо из этапов цикла имеет большее или меньшее значение. Представляется, что все этапы цикла имеют приблизительно равное значение в процессе воспроизводства и трансформации действия.

Этап подготовки имеет значение для индивида и другого, акт действия — для индивида и другого, этап, на котором действие становится свободным — для индивида и другого. При этом реальное волюнтаристское поведение возможно, вероятно, только на первом этапе. Так, на этапе действия индивид уже не обладает полным контролем над действием, поскольку последнее уже оказывается наделено свойством контингентности и уже обнаруживает себя в контексте и, далее, освобождается и начинает действовать само. Справедливо предположить, что на этапе подготовки на индивида оказывает влияние множество социальных факторов, которые, в некотором роде, ограничивают его возможности и желания в вариациях самого процесса подготовки. С другой стороны, подготовка всегда принадлежит только индивиду. На этапе подготовки индивид освобождён от гнёта социокультурных факторов, поскольку этап подготовки не является публичным и не отдаётся на откуп абстрактной рациональности. Напротив, этап подготовки есть проявление индивидуальной рациональности. Если же исследователь наблюдает публичную подготовку, то это не подготовка, а акт действия. Мы утверждаем, что этап подготовки всегда остаётся за кулисами социальной игры, и обозначаем этот тезис как один из основополагающих в разрабатываемой концептуальной схеме воспроизводства и трансформации действия.

Акт действия является существенной частью социологического анализа. Наблюдаемый социологом непосредственно или фиксируемый

постфактум образ акта действованиа содержит ключевые для социологического анализа эмпирические данные. Большое значение при анализе свойств и параметров акта действованиа имеет пространственно-временная референция действия. Одним из базовых положений разрабатываемой концептуальной схемы воспроизводства и трансформации действия и структуры является положение об эмпиричности эмерджентных состояний структуры и действия, которая выражается в их пространственно-временной референции.

Здесь происходит расхождение с морфогенетическим подходом М. Арчер, в котором эмерджентные состояния структуры и действия выносятся за скобки эмпирии и не могут восприниматься при помощи органов чувств непосредственно или опосредованно. Эмерджентные состояния у М. Арчер представляют собой, скорее, трансцендентные результаты работы порождающих механизмов, нежели реальные образования в духе дюркгеймовских социальных фактов, которые могут быть прочувствованы, наблюдаемы и зафиксированы. Более того, эмерджентность у М. Арчер является, скорее, причиняющей силой, нежели состоянием структуры или действия. Эмерджентность как двойной морфогенез, предполагающий трансформацию агентности на основе трансформации агентностью структуры. Эмерджентность как эмерджентные свойства структуры и агентности, имеющие три ипостаси: контекст, результат результата в контексте, результат результата результата.

Пространственно-временная референция действия связана с актом действованиа. Пространственно-временная референция структуры связана с контекстом, в котором акт действованиа осуществляется. Как было показано выше, на этапе осуществления действие уже не принадлежит индивиду. Но у этого действия в процессе осуществления появляется пространственно-временная референция. Мы хотим обратить отдельное внимание на эту часть анализа. Во время акта действованиа действие меняет свои свойства и освобождается под влиянием этих свойств от влияния индивида. После акта действованиа индивид начинает взаимодействовать со своим действием как с полноценным субъектом социального взаимодействия. Мы определяем

субъектность индивида в качестве предмета социологии. Но когда мы говорим о действии, к которому индивид начинает относиться как к субъекту, мы говорим о том, что и действие в результате акта действования начинает обладать субъектностью. Одинаковы ли субъектность индивида и субъектность освободившегося действия? Если мы рассматриваем действие как социальное действие и субъект в социальном взаимодействии то, вероятно, мы должны аналитически приравнять субъектность индивида к субъектности освободившегося действия. И все же мы не можем в полной мере это сделать, поскольку субъектность индивида включает в себя этапы подготовки не только к этому конкретному действию, но к множеству уже совершенных и ещё не совершенных действий. А субъектность конкретного действия оказывается лимитирована контекстом осуществления.

Тем не менее, посылка о том, что при акте действования суть изменения свойств действия есть формирование субъектности у действия как субъекта социального взаимодействия, позволяет пройти между холизмом и номинализмом и не впасть в эпистемологическое заблуждение, поскольку пространственно-временная референция так понятого эмерджентного состояния действия не является результатом эпистемологической индукции, но демонстрирует сохранение в анализе онтологического статуса действия как существующего независимо от индивида и его знания о нем. После акта осуществления со своим собственным действием, индивиду приходится взаимодействовать с остальными участниками социального взаимодействия, которые, в свою очередь, также взаимодействуют с этим действием для достижения некоего результата, удовлетворяющего конкретные цели поставленные в рамках конкретных индивидуальных рациональностей конкретными индивидами.

В отличие от М. Арчер, мы рассматриваем эмерджентное состояние структуры и действия одновременно. Наделение эмерджентности пространственно-временной референцией позволяет говорить о том что эмпирические данные можно рассматривать одновременно и для анализа действия, и для анализа структуры. Аналитически структура отделена от

действия, и мы, в целом, согласны с М. Арчер в том, что следует разделять структуру и действие во времени. Однако, мы утверждаем, что конкретные эмпирические данные, фиксируемые исследователем при наблюдении акта действия могут и должны быть использованы для анализа эмерджентных состояний структуры и ниже готовы аргументировать эту посылку.

§2. Эмерджентные свойства структуры

Структура вообще есть нечто надорганическое и, поэтому, ненаблюдаемое. В широком смысле слова структурой является все. Для того, чтобы сравнить одни состояния структуры с другими или сравнивать различные структуры между собой, необходимо обозначить демаркационную линию, разделяющую структуру вообще и конкретное состояние и свойства структуры в конкретное время и в конкретном месте. Именно для этого применяется концепт эмерджентных состояний структуры. Эмерджентные же свойства структуры мы определяем как отдельный аналитический концепт, который хоть и имеет отношение к эмерджентным состояниям, но требует своей собственной аналитической автономности. Эмерджентное состояние структуры есть фиксируемая в конкретное время и в конкретном месте совокупность контекстуальных параметров и характеристик. В зависимости от целей исследования, исследователь фокусируется на различных аспектах социальной реальности и берет конкретные данные для своего анализа. Однако открытость общественной системы предполагает наличие и тех данных о структуре, которые исследователем не учитываются ввиду того, что они выпадают из его теоретико-методологической рамки. Это является проблемой этапа разработки теоретико-методологических оснований исследования и, в частности, этапа операционализации понятий.

Социолог не может схватить сразу все характеристики социальной реальности в конкретный момент времени, поэтому часто применяется так называемый системный подход с тем, чтобы разделить общество на подсистемы и изучать их изолированно. На наш взгляд, такое решение является половинчатым, поскольку особенность открытой системы предполагает ее

несводимость не только к какому-то определенному куску пирога или его свойствам, но и к совокупности этих кусков и сумме их свойств. Открытая система эмерджентна. Для наблюдения (при помощи органов чувств) нам доступно конкретное состояние эмерджентности в конкретное время в конкретном месте. Выявление эмерджентных свойств — следующий этап анализа. Прежде необходимо получить данные об эмерджентном состоянии, на основе анализа которых будут выявлены или не выявлены определенные эмерджентные свойства. Добавление в анализ эмерджентности пространственно-временной референции эмерджентного состояния структуры позволяет, с одной стороны, преодолеть проблему несводимости и, с другой, преодолеть проблему сведения онтологии к эпистемологии. Аналитическая новинка в виде наделения эмпиричностью эмерджентного состояния структуры позволяет говорить о том, что макросоциологические концепты могут быть прочувствованы и, более того, зафиксированы исследователем в конкретное время в конкретном месте.

Существенным является вопрос о том, какие именно действия оказывают воспроизводящий и трансформирующий эффект на структуру. Все ли действия имеют эмерджентные свойства или все ли эмерджентные свойства способны оказать воспроизводящий или трансформирующий эффект. М. Арчер пишет о том, что только специальные действия или специальные эмерджентные свойства этих действий способствуют процессам воспроизводства и трансформации. Мы утверждаем, что на процессы воспроизводства и трансформации структуры оказывают влияние не некоторые выборочные действия или выборочные эмерджентные свойства действий, а все действия в их совокупности. Идея М. Арчер справедлива при глубоком анализе конкретного взаимодействия с тем, чтобы отбросить лишнее и оставить только то, что оказало существенное влияние на его воспроизводство или трансформацию. Но в то же время эта посылка не соответствует принципу эмерджентности, согласно которому эмерджентное состояние или свойство структуры или действия несводимо к характеристикам или свойствам составляющих его действий или структур. Совокупность действий становится

здесь эмерджентностью второго уровня, которая уже несводима к эмерджентному действию. Так же и совокупность структур становится эмерджентностью второго уровня и несводима к эмерджентным структурам.

При помощи исследовательских инструментов исследователь оказывается в состоянии фиксировать то, что не может быть прочувствовано при помощи наших органов чувств. Но как только это фиксируется и называется и обретает социальность, то это нечто уже не является чем-то, что не может быть прочувствовано. Его уже можно прочувствовать и отрефлексировать, даже несмотря на то, что наши органы чувств по-прежнему не способны приблизиться к точности исследовательских инструментов. Неспособность или недостаточная способность наших органов чувств прочувствовать то или иное явление компенсируется наделением этого явления социальностью. Наши органы чувств являются исследовательскими инструментами со слабой или низкой чувствительностью. Однако, этой низкой чувствительности вполне достаточно для повседневного существования и вступления в различные взаимодействия.

Макро- и даже микроконцепты часто оказываются неотрефлексированы индивидом. Знание всегда существует до индивида. Умерших индивидов больше, чем новых. Поэтому тезис О. Конта о том что, умершие являются основными деятелями, является справедливым. Удельный вес их действий действительно велик. Контекст всегда предсуществует по отношению к любому индивиду. Попадая в контекст, индивид обретает и субъектность, и социальность. Действие, осуществлённое индивидом при попадании в контекст, обретает субъектность и социальность. Контекст, причём исторический контекст, обеспечивает и индивида, и действие субъектностью и социальностью. Индивид и действие, при таком рассмотрении, оказываются онтологически равны, но аналитически разведены во времени, поскольку индивид присутствует раньше чем его действие. В этом смысле индивид всегда предсуществует по отношению к действию. Цепь предсуществования: контекст — индивид — действие.

Структура как совокупность образцов взаимодействия, их свойств и их взаимного отношения друг к другу концептуализируется как взаимное знание. Совокупность взаимного знания формирует совокупные цели. Природа структуры такова, что она не стремится к определённости. Структуре выгоднее быть неопределённой, поскольку таким образом обеспечивается контекст. Неопределённость структуры обеспечивает поддержание системного функционирования. Для функционирования системы необходима структурная неопределённость, которая, в свою очередь, обеспечит контекстуальную неопределённость, а та обеспечит неопределённость действию.

Социальная реальность всегда предсуществует, поэтому сложно сказать, что было раньше: действие или структура. Потому что предсуществующая социальная реальность предсуществует на основе предсущественных действий, которые были осуществлены в контексте предсуществующей по отношению к ним социальной реальности. Насчёт неопределённости как структурной природы можно говорить с большей уверенностью. Неопределённость это свобода. Но не в смысле методологического анархизма П. Фейерабенда. Неопределённость обеспечивает свободу, в основе которой девиз «попытайся» а не «все подходит». Попытки могут быть неудачные или удачные в большей или меньшей степени. Но они не подходят по умолчанию. Так же как и субъектность и социальность не что-то, чем индивид обладает по умолчанию. Субъектность и социальность обретаются в результате попыток. Не каждое действие освобождается, как и не каждая ракета удачно выводится на орбиту.

Рассматривать в таком ключе природу, окажется, что она уже социальна в некотором смысле, поскольку наблюдается и чувствуется индивидом как некоторый результат, а результат освобождён, и сам является субъектом. Но, в отличие от результата социального действия, результат природы не является результатом работы индивида на этапе подготовки. Результат природы никак не связан с этапом подготовки индивида, в отличие от социального действия, которое, при определенном ретроспективном анализе, может быть аналитически возвращено не только к акту действия, но и к этапу

подготовки. Все, что индивид делает с природой — социально. Но и то, что природа делает сама с собой тоже, поскольку мы сталкиваемся с результатом этого действия и взаимодействуем с ним как с субъектом. Тут возникает логичный вопрос о субъективности и объективности.

В природе вещи не могут повести себя как-то не так, если установлены определенные закономерности или причинно-следственные связи. Более того, объективность природы основана именно на том, что даже если эти связи не установлены человеком, природа все равно не может повести себя как-то не так. Природа функционирует независимо от человека не в том смысле, что мы не можем на неё повлиять или взаимодействовать, а в том, что причиняющие силы природы будут действовать всегда одинаково при конкретных условиях. Общество отличается от этого своей контингентностью. Хотя критический натурализм и предлагает нам рассматривать общество как природу с некоторыми существенными уточнениями по сравнению с классическим натурализмом, можем ли мы позволить себе допущение о том, что общество функционирует так же объективно как природа и всегда будет давать конкретный отклик на конкретные действия в конкретное время в конкретном месте? А если использовать эту посылку в обратную сторону, можем ли мы допустить, что природа состоит из субъективных контингентных аномалий на уровне событий, пусть и имеет некоторые однозначные причиняющие силы и связи? Это и составляет посылку о взаимодействии макро и микро, о взаимодействии детерминизма и волюнтаризма, о сути концепта связи.

Связь — это не устойчивое повторяющееся следствие, связь — это, скорее, взаимность. Своего рода избирательное сродство М. Вебера, но не совсем, потому что избирательность сама есть связь. Общество не субъективно в широком смысле слова. Индивид вкладывает смыслы в свои и чужие действия и выявляет некоторые поведенческие паттерны на основе составления последовательностей этих действий. Эта часть безусловно субъективна. Но не абсолютно, поскольку процессы вкладывания и наделения смыслом происходят в определенном предсуществовавшем контексте. Контекст или условия для действия объективны, поскольку являются предсуществующими по отношению

к индивиду. Но не абсолютно объективны, так как сами сформированы предшествующими индивидами. По аналогии с этим, природа тоже, с одной стороны, объективна, поскольку все реакции и взаимодействия происходят в определенной предданной инкубационной системе. Но, с другой стороны, не абсолютно объективна, поскольку предданная природная система есть результат предшествующего контингентного взаимодействия некоторых явлений и сил. Другими словами, сценариев может быть множество, но лейтмотив один. Вопрос заключается в том, что есть этот лейтмотив, каковы его свойства, и можем ли мы на основе знания об этих свойствах, выведенных из наблюдения за наблюдаемой реальностью, вывести логику социального лейтмотива по аналогии с тем, что сделано для модели вселенной, согласно которой все вещество рано или поздно испарится. Имеющаяся сложность с социальной реальностью заключается в том, что, с одной стороны, можно рассматривать индивида как составляющую такой социальной вселенной, а, с другой стороны, индивида можно рассматривать как отдельную социальную вселенную. Эти подходы и представляют собой дихотомию микро и макро. Если использовать критический натурализм, то стоит, скорее, опустить рассмотрение индивида как отдельной социальной вселенной, поскольку, по аналогии с природой, у нас есть только одна вселенная. Но на основе накопленного имеющегося знания представляется потенциально возможным совершить качественный эпистемологический скачок. Например, как от птолемеевской к коперниковской модели космоса.

§3. Цикл воспроизводств и трансформации

Воспроизводство и трансформация структуры и действия должны быть рассмотрены с учётом анализа цикла этих процессов. Особенности цикла являются его повторяемость, предсказуемость, эмпиричность, последовательность, логика. Природа цикла предполагает сосуществование полярных процессов. Таким образом, оказывается возможным рассматривать цикл воспроизводства и трансформации и структуры, и действия, и сочетать в рамках цикла и такие этапы, как этап подготовки и этап освобождения действия

в рамках одного цикла. Действие, как было показано выше, становится субъектом в результате цикла воспроизводства и трансформации. В этом, вероятно, суть действия: становиться субъектом социальных отношений, свободным от непосредственного деятеля. Некоторая связь с деятелем, при этом, сохраняется, но не обязательно. В случае со структурой необходимо проанализировать саму контекстуальность.

Контекст включает в себя определенный набор параметров-условий для осуществления социального действия/взаимодействия/коммуникации. Параметры-условия социальной ситуации в конкретное время в конкретном месте. Контекст, в этом смысле, всегда предсуществует. Важно, что контекст составляют не только индивиды и вещи, но и ранее осуществлённые действия. Таким образом, контекст есть совокупность результатов предшествующих действий, выраженная не только в виде абстрактной рациональности, но и в виде вещей природы, времени, места и индивидов. Контекст включает также и индивидуальную рациональность индивида, результаты его предшествующих действий и этапов подготовки. Контекст — это совокупность осуществлённых действий. Но действия после осуществления освобождаются и становятся субъектами социальных отношений. Таким образом, контекст оказывается объединением субъектов социальных отношений. Здесь проявляется вся суть надления действия в ходе акта действованиа субъектностью и социальностью. Чтобы эти действия *образовали* контекст. Условия-параметры нужны для того, чтобы действию было где разворачиваться. Но эти условия есть ни что иное как совокупность прошлых действий, теперь освобождённых самостоятельных субъектов. Контекст в виде субъектов является даже в большей степени субъектом, чем индивид, поскольку эти действия-субъекты составляют контекст. Индивиды тоже составляют контекст, но в той же степени что и условия? Вероятно, нет, хотя индивиды тоже являются в некотором смысле условиями для других.

Часто когда мы говорим о контексте, мы говорим о людях. Индивид обнаруживает себя среди других и разрабатывает свою поведенческую стратегию на основе этапа подготовки, исходя из тех данных о контексте

будущего действия, которыми он располагает. Немаловажным здесь является учитывание не только рефлекслируемых, но и нереллекслируемых условий-параметров. Совокупность предыдущих действий всегда предшествует. И рефлекслируемые и нереллекслируемые параметры-условия всегда предшествуют вне зависимости от того, учёл ли их индивид на этапе подготовки или нет. Но оказывают ли они свое контекстуальное воздействие на действие, не будучи рефлекслированы? Вероятно, да, поскольку реакция других может оказаться не той, что планировал индивид, или встраивание конкретного подготовленного действия в систему отношений встретит трудности именно из-за нереллекслированных условий-параметров. Не только из-за них: может быть и этап подготовки был недостаточен. Однако, тут важно показать, что нереллекслируемые условия оказывают влияние, и это происходит вне зависимости от знания индивида о них.

Воспроизводство структуры это первый этап цикла, и он представляет собой наличие или данность некоторых условий для социальных отношений. Этот этап включает в себя результаты всех предыдущих действий как рефлекслируемых, так и нет. Поскольку всегда найдётся тот, кто рефлекслирует о том, о чем другой не рефлекслирует. Когда рефлекслия о некоторых предшествующих действиях прекращается везде, такие условия перестают наличествовать и вносить свой вклад в образование контекста. Чем меньше рефлекслии в обществе по поводу тех или иных предшествующих действий, тем меньше результатов этих действий включено в образование контекста и условий-параметров. Обратное также справедливо: чем больше рефлекслии, тем больше доля в контексте. Из этих посылок можно вывести обратную зависимость: если что-то рефлекслируется на индивидуальном, групповом или общественном уровнях, то такие результаты предшествующих действий являются существенными для исследования. Все, что рефлекслируется, является существенным для исследования. То, что не рефлекслируется конкретным индивидом, может рефлекслироваться другим и оказывать воздействие на нереллекслирующего по этому поводу индивида.

Так, структура на этапе воспроизводства представляет собой совокупность рефлекслируемых условий-параметров всеми индивидами. Рефлексии по поводу каких условий-параметров больше в конкретное время в конкретном месте и составляет контекст этого времени и места, предположение о чем используется индивидом на этапе подготовки. Цикл структуры и цикл действия оказываются связаны. Цикл структуры не осуществляется как-то отдельно от действия, за исключением момента предсуществования результатов всех предшествующих действий. Но сейчас циклы уже давно запущены и начальной точки уже нет. Но благодаря аналитическим концептам вроде эмерджентного уровня, у исследователя появляется возможность провести демаркационную линию между различными состояниями структуры и действия.

Воспроизведённые условия-параметры всегда наличествуют, поскольку всегда предсуществуют. Таким образом, они оказываются не столько воспроизведённые, сколько всегда данными в конкретное время и в конкретном месте. Преданные условия-параметры обогащаются новыми актами действия и новыми освобождёнными действиями-субъектами. Этот процесс способствует трансформации условий-параметров структур. Чем больше рефлексии по поводу новых актов действия или новых свободных действий-структур, тем более существенными они будут в составе трансформированной структуры для конкретного места и времени. Трансформированная структура, содержащая уже осуществлённые и свободные действия и их результаты задаёт уже отличающиеся от прежних условия-параметры. Таким образом, структура может быть представлена в виде популярно и распространённой метафоры текучести, что, в свою очередь, указывает на то, что по этому поводу рефлекслируют.

М. Арчер отделила нормы, ценности, традиции от структуры в культуру и описала процесс воспроизводства и трансформации культуры, который схож с процессом воспроизводства и трансформации структуры. Мы же определили нормы, ценности, традиции в абстрактную рациональность вместе с остальными структурными условиями-параметрами. Такой шаг обусловлен

обоснованной выше посылкой о необходимости операционализации если не всех социальных факторов, то, по крайней мере, большей их части при использовании любых теоретико-методологических оснований исследования. Поэтому в данном случае этот шаг не выглядит редукцией, но, напротив помогает уточнить и корректно концептуализировать результаты всех предшествующих действий в составе абстрактной рациональности, поскольку все составляющие абстрактной рациональности обладают одинаковым свойством: они являются ставшими субъектами социальных отношений.

Структура трансформируется за счёт новоосвободившихся действий, которые обрели социальность и субъектность. Новые субъекты социальных отношений конкурируют со старыми, что проявляется в рефлексии индивида. Как уже было показано выше, циклы воспроизводства и трансформации структуры и действия связаны между собой. То, что М. Арчер называет двойным морфогенезом или П. Бурдье называет принципом двойного структурирования, содержит основные элементы описания и объяснения этой связи. У М. Арчер это, соответственно, действие, которое, трансформируя структуру, трансформируется само. У П. Бурдье это структурирующая структура. И тот и другой подходы к рассмотрению связи циклов воспроизводства и трансформации структуры и действия достаточно детальны. Предложенное в рамках настоящего исследования уточнение и дополнение этих схем состоит преимущественно в концептуализации связи циклов воспроизводства и трансформации структуры и действия на основе непосредственного анализа элемента связи. У М. Арчер и П. Бурдье этот элемент проанализирован недостаточно. У схемы М. Арчер, где изображено наглядно пересечение этапов цикла воспроизводства и трансформации структуры и действия, есть недостаток в виде того, что не учтённым оказывается этап подготовки и этап освобождения действия для цикла действия и неучтёнными оказывается значение акта действия для цикла воспроизводства и трансформации структуры. Акт действия является существенным как для цикла воспроизводства и трансформации действия, так и для цикла воспроизводства и трансформации структуры, поскольку именно на

этом этапе происходит освобождение действия и наделение его социальностью и субъектностью, благодаря которым оно становится способным оказать трансформирующее воздействие на структуру и, в конечном итоге, стать ее частью в виде условий-параметров структуры, которые воспроизводятся с началом нового цикла.

Эмерджентные действия и структуры а, скорее, их эмерджентные свойства и состояния, несводимы к предсуществовавшей совокупности результатов ранее осуществлённых действий, представленных в виде условий-параметров. Так же эмерджентные состояния структуры и действия несводимы к этапу подготовки индивида или к акту осуществления и к совокупности свойств ранее осуществлённых действий, осуществленных не только непосредственно индивидом, но и другими. Таким образом, эмерджентные свойства и состояния структуры и действия несводимы ни к предшествующим элементам и свойствам этих элементов, составляющих индивидуальную рациональности, ни к элементам и свойствам элементов абстрактной рациональности. На основе этой посылки можно предположить, что эмерджентные свойства и состояния структуры и действия именно за счёт своей эмерджентности оказываются способны вырваться из совокупности предсуществующих и предданных свойств и состояний структуры и действия. Эмерджентное состояние как структуры так и действия являются такими же эмпиричными концептами, как предсуществующие условия и акт действований. Освободившееся действие так же является эмпиричным концептом, и его можно отследить и зафиксировать его характеристики как субъекта. Трансформированные условия также являются эмпиричным концептом, который можно зафиксировать как условия для начала нового цикла или как конец предыдущего цикла воспроизводства и трансформации структуры и действия. Эмпиричность разрабатываемых и уточняемых теоретических концептов в рамках настоящего исследования имеет существенное значение, поскольку социология в значительной степени опирается на эмпиричные данные. Тем серьезней оказывается проблема предисследовательской теоретической аналитической разработки этих концептов. Эмпиричность или

способность быть прочувствованным при помощи органов чувств или исследовательских инструментов является существенным свойством любой аналитической разработки в рамках теоретической социологии. Это является проблемой для таких полярных подходов как холизм и номинализм и соответствующих им реализму и индивидуализму а так же объективизму и субъективизму. Полярные подходы часто не имеют эмпирического выхода на всю социальную реальность, а ограничиваются своей половиной реальности, сводя оставшуюся половину к ней. Так, объективизм сводит эпистемологию к онтологии и объясняет социальную реальность через свойства последней. Субъективизм, в свою очередь, сводит онтологию к эпистемологии и объясняет социальную реальность исключительно через наше знание о ней. Ни тот, ни другой подход не являются потенциально применимыми, если исследователь имеет намерение провести корректное исследование. Конвергенция полярных подходов позволяет преодолеть их индивидуальные ограничения и сосредоточиться не на одной части цикла в контексте нашего исследования воспроизводства и трансформации структуры и действия, а на всем цикле, при этом не сводя одну часть цикла к другой, а учитывая особенности каждой части цикла и синтезируя на основе пересечения или связи этих циклов третьего элемента или этапа, концептуализированного в рамках данной работы в виде акта действованиа, где и происходит обретение действием субъектности и социальности, поскольку то становится субъектом социальных отношений и оказывается в состоянии оказывать влияние на процесс трансформации предыдущих условий-параметров и образование трансформированных условий-параметров, которые одновременно являются концом одного цикла и началом другого. Цикл воспроизводства и трансформации дифференцирован и во времени, и в пространстве и протекает у каждого действия и каждой структуры, которые наличествуют в определенном месте в определенном время. Циклы воспроизводства и трансформации не ограничивают друг друга и протекают одновременно и постоянно, где бы ни происходило социальное действие/ взаимодействие/коммуникация. Эмпиричность акта действованиа, на котором происходит становление действия субъектом социальных отношений,

обладающим социальностью и субъектностью и эмерджентными свойствами, которые позволяют действию воздействовать на процессы трансформации предшествовавших условий и образования трансформированных условий, которые завершат данный цикл и станут началом следующего, позволяет говорить о том, что именно на этапе акта действия исследователь может зафиксировать преобразование действия в субъект социальных отношений, выраженное концептуализированным в рамках настоящего исследования как освобождение действия или освобожденное действие, где действие уже имеет эмерджентные свойства. Таким образом, можно говорить о том, что, при фиксации исследователем акта действия, исследователь фиксирует наделение или овладение действием субъектностью социальности и эмерджентных свойств, что концептуализировано в рамках настоящего исследования как эмерджентное состояние действия. Другими словами, наблюдение акта действия есть наблюдение эмерджентного состояния действия, а наблюдение и фиксация контекстуальных условий-параметров во время или после акта действия есть фиксация эмерджентного состояния структуры. Таким образом, требование эмпиричности теоретических концептов соблюдается и полученная схема оказывается полностью эмпиричной для исследователя, не теряя своего аналитического потенциала и претензии на описание и объяснение не только функционирования структурного и агентностного уровней, но и элемента их связи. С этой целью эмерджентные состояния действия или структуры предлагается рассматривать как имеющие пространственно-временную референцию. Это позволяет обеспечить эмпиричность эмерджентных свойств и состояний как структуры, так и действия.

Заключение

В рамках настоящего исследования были поставлены проблемы, актуальные для современной теоретической социологии. Это проблемы, связанные с уточнением предметного поля, метатеоретическим анализом базовых положений интегративных парадигм, оценкой потенциала оснований интегративных парадигм в работе по концептуализации взаимоотношений между основными социологическими категориями макро- и микроуровня, разработкой аналитической схемы воспроизводства и трансформации эмерджентных свойств и состояний социальной структуры и социального действия.

Среди результатов, достигнутых в рамках работы, следует отметить составление аналитических критериев для проведения сравнительного анализа интегративных парадигм на предмет их способности корректно описывать и объяснять момент связи между макро- и микроуровнем, уточнение моделей воспроизводства и трансформации структуры и действия с вводом в анализ пространственно-временной референции их эмерджентных состояний, дополнение базовых положений критического реализма посредством ввода второго уровня эмерджентности в анализ образования структур, составление концептуальной схемы взаимозависимости циклов воспроизводства и трансформации социальной структуры и социального действия с использованием базовых положений критического реализма.

Базовые положения критического реализма продемонстрировали свою аналитическую гибкость при решении разнообразных задач, что говорит в пользу критического реализма как направления, в рамках которого действительно могут разрабатываться общие социологические теории, описывающие и объясняющие не только предпосылки социального воспроизводства и трансформации, но и актуальные циклы взаимовлияния макро- и микроуровней. Выявленное достоинство базовых положений критического реализма выражается в большей по сравнению с другими интегративными парадигмами устойчивостью к изменениям в социальной

реальности за счёт уделённая значительного внимания концептуализации эмерджентных свойств и состояний как структуры, так и действия. Этот задел даёт возможность говорить о том, что теоретические разработки на основе или с использованием базовых положений критического реализма позволят теории или концепции развиваться и изменяться вместе с социальной реальностью за счёт относительной стабильности своих базовых положений, ориентированных не на стагнацию, а на развитие и изменение.

Использование базовых положений критического реализма в рамках социологии имеет дальнейшие перспективы, связанные как с проведением регулярного мониторинга эмерджентных состояний структуры и действия для решения конкретных прикладных задач, так и с продолжением работы по уточнению наших представлений об устройстве социальной реальности и решении фундаментальных теоретических задач.

Список использованной литературы

1. *Бурдые, П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
2. *Бурдые, П.* Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007.
3. *Гуссерль, Э.* Логические исследования. Т. 1. Н.: Сагуна, 1994
4. *Дудина, В.И.* Стратегии метатеоретизирования в социологии // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 10–19.
5. *Иванов, Д.В.* Тренд метатеоретизирования в современной социологии // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 3–10.
6. *Латур, Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
7. *Луман, Н.* Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
8. *Сергеев, В.С.* Метатеоретизирование как преодоление социологического лага // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 137-142.
9. *Сергеев, В.С.* Понятие социального как проблема для интегративных парадигм // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 120-127.
10. *Тощенко, Ж.* Редакционная статья // Социологические исследования. 2014. № 7.
11. *Alexander, J.* The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford: Oxford University Press, 2005.
12. *Archer, M.* Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge : Cambridge University Press, 1995.
13. *Baudrillard, J.* Simulacres et simulation. Paris: Galilee. 1981.
14. *Bhaskar, R.* The Possibility of Naturalism: A philosophical critique of the contemporary human sciences. London: Routledge, 1998.
15. *Bhaskar, R.* A Realist Theory of Science. London: Verso, 2008.
16. *Burawoy, M.* For Public Sociology! // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. pp. 4–28.
17. *Feyerabend, P.* Against Method. London: Verso, 2010.

18. *Gadamer, H.* Philosophical Hermeneutics. Trans. and ed. by David Linge. Berkeley: University of California Press, 1976.
19. *Gouldner, A.* Coming Crisis of Western Sociology. Portsmouth: Heinemann, 1971.
20. *Habermas, J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and Rationalization of Society. Boston: Beacon Press, 1984.
21. *Habermas, J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston : Beacon Press, 1987.
22. *Kuhn, T.* *The Structure of Scientific Revolutions.* Chicago: University of Chicago Press, 1996.
23. *Lazarsfeld, P.* Qualitative Analysis: Historical and Critical Essays. Boston: Allyn and Bacon, 1972.
24. *Marx, K., Engels, F.* Karl Marx: Selected Writings. Oxford: Oxford University Press, 2000.
25. *Mills, C.* The Sociological Imagination. Oxford: Oxford University Press, 2000.
26. *Merton, R.* Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968.
27. *Parsons, T.* The Social System. New Orleans: Quid Pro, LLC, 2012
28. *Parsons, T.* The Structure of Social Action. New York: Free Press, 1967.
29. *Ritzer, G.* Reflections on the Rise of Metatheorizing in Sociology // Sociological Perspectives. 1990. No. 34(3). pp. 237-248.
30. *Sorokin, P.* Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships. London: Routledge, 2017.
31. *Sztompka, P.* Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. 2008. Vol. 16. No. 1. pp. 1–15.
32. *Toffler, A.* The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow. New York: Bantam, 1989.